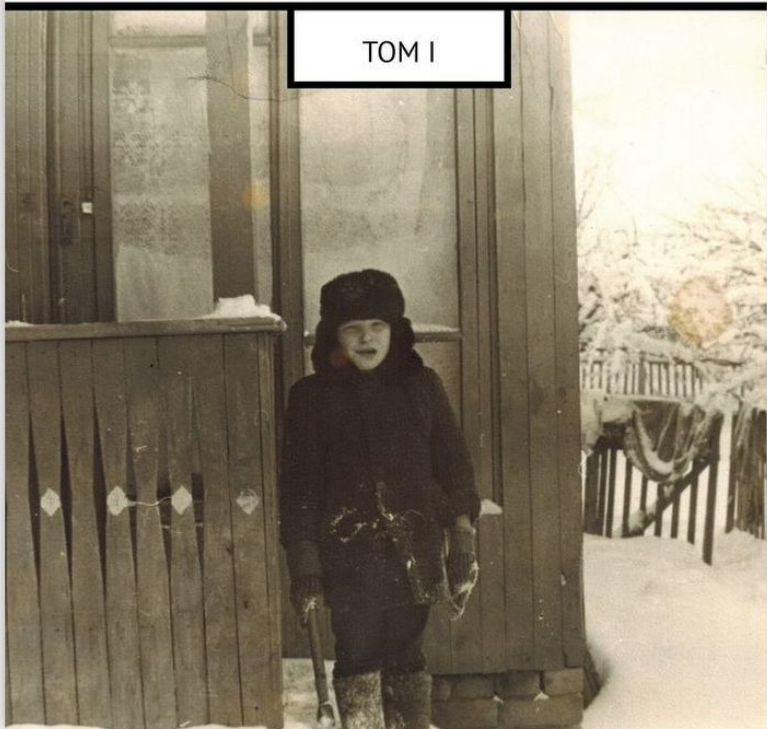

18+

ВЛАД КОСТРОМИН

Наследники Мишки Квакина

ТОМ I

Влад Костромин
Наследники Мишки
Квакина. Том I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23931633

ISBN 9785448511103

Аннотация

Сборник рассказов о невыдуманных забавных историях из детства автора. Сборник охватывает события до 1995 года включительно.

Содержание

Благодарности	5
Пустой пробег	7
Еще немного икры	18
Люблю грозу в начале мая...	24
Мойдодыр – 1993	30
Деревенский детектив	35
Деревенский детектив-2	42
Клещи для клеща	45
История О	51
Мочить в сортире	55
Гуляй-нога	63
Жареной свинье в зубы не глядят...	73
Дом с привидениями	77
Собачья смерть	85
Собачья смерть – 2	90
Вот такая странная и непонятная история	94
Еще одна странная история	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Наследники Мишки Квакина Том I

Влад Костромин

Фотограф Влад Костромин

© Влад Костромин, 2023

© Влад Костромин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-4485-1110-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Хотелось бы поблагодарить:

- всех героев данного сборника, за невольное участие; -);
- Леонида Филипповича – как генератор ряда происшествий, отраженных в рассказах;
- Олега Курзинова с сайта МП – за щедрую поддержку;
- других покупателей книги, не посчитавших нужным информировать о своем участии;
- Владимира Удоды – за ценное замечание в более точном описании Рекса в рассказе «Собачья смерть»;
- Людмилу Колыкову за прояснение странной привычки Рекса в рассказе «Собачья смерть»;
- Ларису Тинисову (Лара) с сайта СИ;
- отдельная благодарность клубу начинающих писателей «Бумажный слон»
- лично Ярославу Хотееву и всей команде админов «БС»;
- Дарье Январской за чудесную иллюстрацию к рассказу «Губит людей вода»;
- Насре, с сайта «Бумажный слон» за теплые отзывы;
- Эмилию Тургунбаеву за помощь в работе над обложкой книги,
- SaraSardis, EnglGul за помощь в работе над рассказом «Яблоко раздора»;
- Михаилу Тимофееву с сайта ЛитЛайф за ряд полезных

советов;

– Nataiy87, Байкалочку с сайта ЛитЛайф за теплые отзывы;

– Евгению Николаевичу Грошеву-Дворкину – за предисловие к рассказу «Ночь сыроежек»;

– Байкалочку с сайта ЛитЛайф, ставшую первой покупательницей «Наследников Мишки Квакина».

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Пустой пробег

Это что ж такое делается?! Я просто влюбилась в этих аферюг! Читала про их похождения и хотела ещё и ещё, большие и большие, словно хмелела вместе с ними. Перефразирую цитату из известного кинофильма: «Вот что жидкость животворящая делает!»

Понятно, что это факт из детства, но мои эмоции вряд ли бы выросли в такой геометрической прогрессии без своеобразного стиля изложения – целого букета из незлобивых «подколок» и карикатурного юмора. Была бы возможность поставить балл выше, не колеблясь, поставила бы.

Утащила себе в библиотеку

*Автору – и еще с десятков таких смайлов. **Nataiy87***

Рассказ был опубликован в 83 номере (03.08.2017 г.) газеты «Наша гавань» (Н. Зеландия)

Много забавных персонажей было в нашей деревне. Так как она была относительно молодой, то по тогдашней правоприменительной практике в нее присылались бывшие зеки. Многие там и оседали, пополняя ряды сельских чудаков. А некоторые и не только чудаков. Кроме того и своих, урожденных, так сказать, зеков в деревне хватало. Не кривя душой, можно признаться, что большая часть населения деревни были отсидевшими. Об одной такой преступной парочке

вкратце и поведаю.

Дед Бутуй был осужден по малолетке еще при Никите Сергеевиче Хрущеве за кражи колхозного имущества. Отбыл, вернулся в родные места. Подвизался на ниве охранной деятельности – служил совхозным сторожем на вымирающей ферме деревни Берливка. Имени его уже никто не помнил. Бывало, заходили к нему по зиме погреться по пути с охоты. Он всегда сидел слегка подшофе и закусывал жареной на электрическом радиаторе отопления картошкой. По комнате низко стелился удушливый аромат валенок, которые он носил в любое время года. Когда на строящейся к деревне асфальтовой трассе начались массовые хищения строительных материалов, Бутуй был нанят в качестве дорожного сторожа. Это дало ему возможность торговать не только песком, щебнем и асфальтом, но и топливом, которое сливал из техники.

Вторым членом криминального дуэта был матерый вор-рецидивист, балагур и весельчак Леня Бруй. Кстати, когда младший брат отца – Леник отсидел и целое лето жил у нас, то оказалось, что в свое время они с Бруем встречались на одной из пересылок. Бруй был мозгом этой небольшой по размерам, но поражающего масштабами преступной деятельности «коза ностры».

Осень – в эту пору душа бывшего заключенного часто просит выпить. Впрочем, выпить она просит в любую пору, но осенью этому желанию открывается больше возможно-

стей для реализации. Леня Бруй вальяжной походкой прогуливался по деревенским улицам, расталкивая импозантными штиблетами апельсинового цвета замерзшую грязь и думал, как выпить. Свежий воздух бодрил тяжелую после вчерашнего голову и навевал легкую грусть по ушедшей молодости. В таком минорном настроении цепкий взгляд его упал на крепкие кочаны капусты, украшавшие собой опустевший огород нашего соседа Кольки Лобана. В преступном мозгу, подогретом вчерашними винными парами, как ослепительная вспышка молнии возник дерзкий план. Довольно ухмыляясь, Леня развернулся и почесал в сторону Берливки, за прохлаждающимся на ферме Бутуем.

Темнеет осенью рано, что было мошенникам на руку. Проникнув через забор на огород Лобана они, сноровисто орудуя ножами, быстро нарезали два мешка капусты.

– Хорошая капуста, хоть сам ешь, – похвалил Бутуй. – Куда понесем?

– Зачем куда-то нести? Надо экономить время и внедрять новое мышление! – понесло политически подкованного Бруя. – Новое мышление! Ускорение, перестройка, гласность!

– Ты потише, а то Лобан сдуру шибанет картечью. И так собаки лают.

– Пошли, – Бруй, закинув мешок на плечо, через калитку уверенно направился к дому Лобана. – Не должно быть пустых пробегов!

– Найда, хорош лаять. Свои, – успокоив собаку, он поднялся на крыльцо и постучал в дверь веранды.

На шум выглянул жующий жареную картошку Лобан с деревянной ложкой в руке.

– Здорово, Николай!

– Здорово!

– Николай, тут такое дело... У Бутуя гля какая капуста уродилась. Ядреная! Купи два мешка.

– Зачем мне капуста, у меня своей полно.

– Ты посмотри, какая капуста. Отборная! Кочан к кочану! Любо дорого поглядеть. А хрустящая какая! – он с силой сжал кочан. – Ты послушай, как хрустит! Как свежий снег под сапогами на Белом море!

– Капуста и, правда, на загляденье, – Лобан покопался в мешках. – Почти как у меня. Сколько просите?

– По-божески просим. Две бутылки всего.

– Пойду с Нинкой посоветуюсь, – Лобан пошел в дом.

– Спрячь под крыльцо, – Бруй стремительно метнулся на веранду, зацепил оттуда и сунул Бутую пустую алюминиевую флягу. – Не должно быть пустых пробегов!

Вернулся Лобан и протянул прохиндеям две бутылки с самогоном.

– Выпьем за твоё здоровье, – передавая мешки, пообещал Лёня.

Дед и Лёня спустились с крыльца.

– Суй в карманы, – Бруй передал Бутую бутылки, которые

тот засунул в карманы своего воглого тулупа.

– Пошли теперь флягу пристроим, – закидывая похищенный предмет на плечо и, пинком открывая калитку на улицу, продолжил он.

– Кому?

– Пошли к Бырику. К нему брат вчера приехал как раз.

– Давай только сначала накатим.

– Не вижу мешающих причин!

Они остановились за углом сеновала Лобана и, достав мутные граненые стаканы, выпили. Закусили капустным листом, заначенным хозяйственным Бутуем. Выпили еще по одной и двинулись в дальнейший путь. Через десять минут ноги принесли их к дому Федора Бырика.

– Гость в дом, Бог в дом! – радостно заблажил Бруй.

– Здорово, – мрачно ответил отперший дверь Бырик. – Чего надо?

– Федь, тут такое дело...

– Какое?

– Да вот Бутуй флягу продает.

– С фермы спер? – осматривая предложенный лот, мрачно поинтересовался Федор.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился дед Бутуй. – Сроду с фермы ничего не взял!

– Откуда тогда фляга?

– Дочки это, Вальки.

– С фермы сперла?

– А я откуда знаю?

– Ты брать будешь или нет? – вклинился в диалог Бруй. – Недорого отдадим.

– За поллитру? – поинтересовался Бырик. Получив утвердительный кивок, он продолжил. – Но если ко мне с фермы за ней придут, то вам не поздоровится. Усекли?

– Усекли. Не бойсь, с фермы не придут. Зуб даю!

– Ладно, сейчас принесу, – Федор потопал в дом за поллитрой.

– На, и иди! Я догоню! – Бруй ввинтился в прихожую и сорвал с вешалки кожаное пальто, принадлежащее приехавшему брату.

Вышедший Бырик, подозрительно косясь на Бруя, передал бутылку и забрал флягу.

– А Бутуй где?

– Да у него что-то живот прихватило, и он до посадки побежал.

– Закусывать надо! Ну, бывайте, – дверь перед лицом Бруя захлопнулась.

Он вприпрыжку устремился вдогонку за подельником.

– Бырик нас поубивает, – испуганно высказался Бутуй.

– Не очкуй, не поубивает, – отмахнулся Леня. – Пошли пальто сбагрим.

– Давай только сначала накатим.

– И вновь не вижу мешающих причин!

Посредством уже знакомых читателю стаканов была вы-

пита вторая бутылка из полученных за капусту.

– А пальто кому понесем?

– Пальто вещь солидная... Пошли к директору. У него шляпа и пиджак есть, а пальта и нету. Некомплект получается.

– Пошли.

Два негодяя, слегка пошатываясь, притопали к нашему дому. Для того чтобы войти во двор надо было сначала нажать кнопку звонка и ждать, пока откроют калитку. После звонка расслаблено лежащий на диване батя послал меня разобраться с пришедшими.

– Сходи, посмотри, кого там нелегкая принесла.

– Что надо? – открыв калитку, поинтересовался я.

– Виктор Владимирович дома?

– Да.

– Позови.

– А что сказать?

– Скажи, что дело есть важное.

Я отправился к папаше.

– Слышь, там Бутуй и Бруй приперлись. Говорят, что дело важное.

– Валь, сходи и узнай, что там важного.

Мать потопала к калитке. Через несколько минут вернулась.

– Вить, пальто кожаное продают.

– Пальто? Кожаное? – папенька был известный щеголь,

и ради пальто решил поднять свое грузное тело с облегченно вздохнувшего дивана. — Схожу, взгляну.

— Ну что, алкоголики, тунеядцы, лоботрясы? — поприветствовал он продавцов. — У кого сперли?

— Это Бутуй у цыган купил.

— У цыган? — папенька зацепил пальто из рук Бруя и стремительно натянул на себя. — Ну как я?

— Прямо как Ален Делон! — льстиво заметил Бутуй.

— Бельмондо Жан-Поль! — внес свою лепту и Бруй.

— Определенное сходство, как говорится, имеется. Ладно, я схожу перед зеркалом примерю, — решил отец. — Сколько, кстати, хотите?

— По-божески возьмем...

— Сколько?

— Два пузыря.

— Сколько?

— Да всего две поллитры...

— Однако... — он поскреб лысину. — Но учтите, я лучше Делона. От Делона вы даже одеколону не дождетесь, а я вам две полновесные спиртные единицы дам. Наверное, — жадность боролась в нем с пижонством. — Пойду, со шляпой прикину. Ждите.

Он тяжело потопал, скрипя гравием дорожки, в дом. В доме начал примерять пальто со шляпой, пальто с пиджаками, пальто с трениками, пальто с галстуками. За это время наши герои осушили еще одну бутылку.

– Валь, ну как тебе? – Он крутился вокруг зеркала как мартышка в очках.

– В любом костюме без изъяна ты обезьяной обезьяна! – неожиданно выдала мать.

– Да ну тебя! Что ты понимаешь в современной моде? Тебе только салоп носить.

– Влад тебе как? Паш, как тебе батя? Стильно, по молодежному?

– Да вроде нормально.

– Он прекрасен! Беру! Живи да радуйся! – папенька достал из бара пару бутылок и задумчиво посмотрел на них. – Я просто неподражаем в нем! Ай молодца!

– Принеси литровую кружку воды, – приказал он мне.

Я принес холодной воды в железной кружке со сколотой голубой эмалью.

– Обмыть бы надо это дело, – он налил себе двухсотграммовый стакан самогону и ловко его замахнул.

– А это чтобы дольше носилось, – аналогичная судьба постигла и вторую бутылку.

Папаша взял воронку и налил в бутылки воды. Взболтал.

– Так ловоче будет, а то жирно две поллитры за пальто.

Он вышел к продавцам и вручил им оплату.

– Вы, ежели еще что у цыган купите, то сразу приносите. Сами видите – не обижу. Столкнемся.

– Само собой! Будьте покойны Виктор Владимирович! Даже не сумлевайтесь! – на два голоса заверили его обрядо-

ванные забулдыги.

– Безмерно вам благодарен, – изысканно высказался Леня Бруй.

Отец закрыл калитку и вернулся в дом. До поздней ночи он крутился в пальто перед зеркалом и распевал итальянские песни.

– Что, пустой пробег получился? – уныло поинтересовался дед Бутуй.

– Без паники! Давай-ка двор обойдем.

Прохиндеи пошли в посадку, пересекли ее и вышли к нашему новому сеновалу.

– Вот что мы сделаем... – отрывая доску задней стены дровяника, сказал Леня Бруй. – Сбегай к ветврачу. У него дров нет. Предложи ему сани дров.

– Если согласится?

– Если согласится, то возьми напрокат у него лошадь и сани.

– Сани по земле?

– Ничего страшного. Проедут. Зато пробега холостого не будет.

Утром мы увидели проломанную стену дровяника и то, что пропала одна поленица дров. Отец вызвонил участкового Степаныча, который в течение часа раскрутил сложную цепочку дерзкого преступления. Оказывается, эти алкожулики не ограничились кражей и продажей наших дров, а еще и сани ветврача продали некоему Капитану. Разбу-

женные и страдающие похмельем злоумышленники отпирались недолго и быстро сдались под напором неопровержимых улик и физического насилия, примененного рассерженным отцом. Пришлось папеньке расстаться с полюбившимся пальто, Бырику с алюминиевой флягой, Капитану с санями, а ветврачу с дровами. И только Колька Лобан сохранил капусту, с которой вся эта история и началась.

– Главное, я же знал, что у самого капуста хорошая, но вот бес попутал и купил, – смущенно признавался он. – Вот расскажи кому – не поверят, что свою же капусту купил. Бывает же такое!

Еще немного икры

Деликатесами нас с братом в детстве не баловали. Как говорится, все дети ели сладкую вату, а мы обыкновенную. Тогда вообще время было суровое. Никакие консоме, бламанже и турниду на столах у нас и близко не стояли. Картошка да макароны составляли основу нашего рациона. И то, это если еще очень повезет. Колбасу ели только по праздникам, потому как колбасы тогда в магазинах деревенских не было. Привозила ее вместе с пряниками, шпротами и лимонадом «Буратино» автолавка по праздникам – на Новый год, первое мая и «березку». Правда, когда отец, тогда еще не такой плешивый, получал заочно второе высшее образование в Москве, то возвращаясь с сессии, привозил горбушу и мы понемногу ее ели на бутербродах.

– Лындиков¹ вы не ели, жряблики! – часто говорила мать. – Печенье им уже в нос не влипает! Совсем зажрались! Эх, не молились вы Марье-пустые щи и не ели суп кандей!

Вообще, надо признаться, готовила она вкусно, когда хотела. Правда, тоже не без странностей: перед тем как начать готовить курицу, непременно минут по двадцать с ней разговаривала, не прекращая этого занятия и в процессе приготовления. Пекла из теста колобков, предварительно проходя

¹ Блюдо из мороженной картошки.

по периметру внутри всего дома и бросая ком теста об стены, приговаривая: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...». Следы теста оставались на обоях, вызывая у посторонних недоуменные вопросы.

Котлеты делала величиной с ладонь, называя их «лаптями». Плов вкусный делала. Шарики творожные в масле пекла. Однажды приготовила пирог с картофелем и мясом. Но истинной отрадой для нас, детей, была икра. Правда, не черная и не красная и даже не «заморская баклажанна», а икра, которую мать готовила из томатной пасты, лука, селедки и манной крупы. Чудесной массой желто-красного цвета мы намазывали куски хлеба и с немалым аппетитом поедали.

Однажды ели мы долгожданную икру. Я с детства отличался высокой скоростью поглощения пищи, присущей мне до сих пор. Навык полезный, но жена по этому поводу постоянно ругается. Пока она за ужином успевает зачерпнуть первую вилку еды, я уже съедаю свою порцию. Впрочем, речь сейчас не об этом. Брат мой младший – Пашка обожал меняться едой. Бывало, обгрызал со своей доли сала ветчину и шкурки. Называл «шкуринги» и «вичининги» и менял потом у меня по плавающему курсу в зависимости от того, чего ему больше хотелось на тот момент. Например: два «шкуринга» на «вичининг» или наоборот.

– Влад, хочешь, от моего бутерброда откуси, – увидев, что я свою порцию бутербродов с икрой проглотил, предло-

жил он.

– Конечно, хочу!

Я, обычно, человек не алчный, но икру очень уж любил и попутал меня бес. Кусая Пашкин бутерброд, я подзуживаемый бесами жадности и чревоугодия, постарался откусить кусок побольше. Каюсь, грешен. А Пашка, думая не допустить чрезмерного откусывания, с нижней стороны бутерброда выставил палец, как ограничитель порции. Я же, про палец тот совершенно не ведая, от души сомкнул челюсти на бутерброде. Станный хруст и ощущение чего-то постороннего во рту еще до истошного вопля Пашки подсказали мне, что что-то пошло не так.

– Ты мне палец откусил!!!

Оказывается, я наполовину откусил первую фалангу среднего пальца на левой руке (брат в детстве был левшой). Брат вопил, палец исходил кровью, я подавился откушенным куском бутерброда. Мать, прибежавшая на шум, первым делом врезала мне между лопаток, помогая протолкнуть кусок в пищевод. Потом, уяснив картину произошедшего, отвесила мне пару оплеух за членовредительство.

– Заткнись, урод! – пару оплеух получил и Пашка. – Доигрались, недоумки?

– Теперь будешь, как дурак, без пальца жить! – восстановив тишину и порядок, мать, забрав у Пашки остаток бутерброда и между делом доедая, принялась за лечение. – Что же с тобой теперь делать? Не в больницу же тебя из-за такой ме-

лочи везти? – везти ребенка в больницу в райцентр за двадцать четыре километра она не посчитала нужным.

Тем более что отца дома не было, а найти машину в деревне было делом нелегким. Поэтому, будучи убежденной сторонницей военно-полевой хирургии, решила лечить сына самостоятельно.

– Вот у нас на сенокосе одному мальчику, который не слушался родителей, косой отрезало ноги, но врачи пришили их и мальчик ходил, как ни в чем не бывало, – рассказывая нам, она сноровисто засунула пострадавшую конечность Пашки в морозильную камеру холодильника.

Так в той истории было – отрезанные ноги заморозили. Пока Пашка на практике знакомился с криобиологией, мать рассматривала принесенные с кухни ножи и рассуждала:

– Стоит ли отрезать палец до конца или можно и так пришить? Павел, ты сам как думаешь?

Победила лень и экономия. Верная заветам своей бабушки: «Если ниточку можно вокруг пальца один раз обернуть, то такую ниточку уже нельзя выбрасывать», мать здраво рассудила:

– Полуоткушенный палец пришить будет экономнее, чем отрезанный. Так ниток меньше надо. Да и держаться будет крепче... Буду шить, как есть, – достав из морозильной камеры надкушенную шуйцу и, внимательно осмотрев, заявила дрожащему Пашке. – Сам виноват! А так будет тебе впредь наука.

Принесла набор игл и ниток (кетгута у нас не было).

– Влад, держи его, чтобы не дергался. А то разбрызгивает кровь по всей прихожей, а мне потом убирать.

При первом же уколе иглой и до того уже бледный Пашка потерял сознание.

– Э, да тут и вовсе можно без шитья обойтись, – рассудила мать. – Принеси изоленты из своих запасов.

– Каких запасов?

– Из тех, что ты в диване прячешь. Как пальцы брату кусать так первый, а как изоленты так жалко для брата? Ну, ты и тандыка! Вот так и я подыхать буду, а ты и воды не подашь! Или подашь?

– Да!

– Что да? Да подашь или да не подашь? Чего молчишь?

Примотав Пашкин палец синей изолентой, пощечинами привела сына в сознание.

– Будешь писать на палец три раза в день. Понял? – прописав наружную уринотерапию, мать на этом успокоилась и принялась избивать меня, дабы подобного не повторилось впредь. – Это тебе за палец! Это тебе за то, что кружку воды подышающей матери подать лень! Это тебе за жадность!

– Возьми в мастерской бензин и тряпку, – устав, распорядилась она.

– Зачем?

– Ототри все капли братовой крови и тряпку сожги.

– Зачем?

– Что ты заладил как попугай, зачем да зачем? Чтобы порчу по крови не навели!

Палец у Пашки зажил нормально, в чем мать видела несомненную заслугу уринотерапии. В качестве наказания я на полгода был лишен права есть злосчастную икру.

– Я бы дал, но мамка меня убьет, – давать мне откусывать от бутербродов Пашка после этого инцидента опасался. – Ты уж не обижайся, Влад, сам понимаешь...

– Понимаю...

Временами я вспоминаю вкус икры из детства, но так как рецепта мать не оставила сделать ее не могу. А жаль...

Люблю грозу в начале мая...

Давным-давно, когда мы с младшим братом Пашкой были детьми, то жили в деревне. Деревня из двух частей состояла: «старая деревня» – довоенная еще, уцелевшая при немцах, и «новая деревня» – строилась у нас на глазах. Мать была, прямо скажем, слегка странной персоной, мнительной, как тот Сидор в «Неуловимых мстителях». Очень боялась грозы. При этом молниеотвод, который по слабому знанию физики многие привычно называют громоотводом, на дом категорически ставить отказывалась, считая, что выступающий над крышей металлический штырь наоборот притянет удар молнии. Зато, подобно Чеховской героине, о которой вряд ли читала, уповала на высочайшую помощь пророка Илии при грозе. Когда еще только где-нибудь громыхнет, то вырывала антенный кабель из телевизора, выкручивала «пробки» в электросчетчике и вынимала вилки телевизора и холодильника из розеток. Гнала из дома всех кошек, услышав где-то, что они притягивают молнию.

– Господи Иисусе! Свят, свят, свят, – завешивала окна в спальне одеялами и сидела там, повторяя, пока малейшие отголоски грома тревожили сырой воздух. – Свят, свят, свят...

Особенно забавно со стороны, и вовсе не забавно для нас, детей, находящихся под ее строгим контролем, было когда

по деревенской улице громыхая проезжал грузовик, а матери мерещилось, что это в отдалении загремел коварный гром.

– Это гроза!

– Да нет там никакой грозы.

– Не спорь с матерью! Хвати гордыбачить! Марш в спальню, утконосы!

Из-за какого-то сельского лихача, зачастую полупьяного, потом полдня на улицу не выйдешь. Сидишь и считаешь расстояние до грозы. Точнее Пашка считает вслух, а я перемножаю². А на улице то весна. Тепло, птички божии и индюки с курами наперебой поют, а ты сиди в спальне как привязанный и смотри на исступленно молящуюся мать.

А я «грозу – королеву» всегда любил. Особенно то состояние природы перед самой грозой, когда все как будто замирает и лишь светло-зеленые листья осин, поля цветущей ржи с вкраплениями васильков да золотая пшеница, ожидающая комбайна, трепещут на фоне фиолетового неба. Или радуга, «положенная Заветом между мной и моим народом», возникающая после грозы. Красота неопишущая! В такие моменты остро жалел, что гены не одарили меня талантом художника – так и просилось эта игра красок быть запечатленной на холсте. Ну, или на чем там художники запечатлевают красоту.

Матери же было не до красот природы. Когда гроза заста-

² Думаю, все читатели помнят физику, и объяснять никому не надо про скорость звука в воздухе.

вала ее на работе, в «конторе», совмещавшей детский сад, начальную школу, совхозное правление, кабинет директора и бухгалтерию, оснащенной молниеотводом, то мать в спешке покидала бухгалтерию и, пригнувшись, бежала в расположенную через дорогу столовую, никакими средствами грозозащиты не оборудованную. Пару раз она пыталась затеять феминистскую кампанию по снятию со здания молниеотвода, но отец – директор совхоза, на такое нарушение техники безопасности не пошел. Зато, как гроза начиналась так мать в столовую бегом, а в кабинет директора из столовой повариха Валька – жена Сереги «Корявого» сразу же по какому-нибудь поводу приходила.

Однажды в обеденный перерыв мать пришла домой, чтобы накрыть нам с Пашкой обед. Я был на каникулах, а насчет Пашки точно не помню, учился он уже в школе или нет. Скорее всего, учился иначе, чтобы он делал дома в это время?

– Жрите и побыстрее, а то на работу из-за вас, оглоедов, опоздаю!

Тут, как гром среди ясного неба, началась гроза, сопровождающаяся сильным ливнем.

– Немедленно в спальню! – мать кинулась по обычной схеме: выключать «пробки», антенну телевизора, вилки из розеток. – Потом доедите.

И пока она так металась по дому, спеша принять все меры предосторожности, в открытую форточку в моей комнате, про которую мать в суматохе совершенно забыла, залетел

небольшой светящийся шар и поплыл по комнате, выплыв через дверной проем в прихожую. Мы с братом, сидя за столом в прихожей и застывшая, подобно жене Лота, на пороге спальни мать, мимо чьего бледного лица прошмыгнул шар, как замороженные наблюдали за ним.

Это сейчас я знаю, что то была шаровая молния, а тогда мне шар казался самым настоящим чудом, посетившим нашу семью. Про что в тот момент думали мать и брат не знаю. Шар, как игривый котенок, покружился по комнате и выскользнул через форточку назад на улицу, где как по волшебству за мгновение до этого внезапно прекратился дождь. Через несколько минут на огороде раздался сильный взрыв, заставивший задрожать хрусталь в стенке-горке и оконные стекла во всем доме. Как позже увидели, шаровая молния угодила в одну из наполненных водой старых бочек, стоявших под водостоком. Вода, бывшая в бочке, испарилась, а от самой бочки остались лишь дымящиеся обугленные дубовые клепки. Металл обручей тоже испарился совершенно бесследно.

– Святы́й Бо́же, Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмертный, помилуй нас, – мать бухнулась на колени и громко вознесла хвалу Господу. – Святы́й Бо́же, Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмертный, помилуй нас. Святы́й Бо́же, Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмертный, помилуй нас.

Затем стремительно вскочила, закрыла форточку и, надев дежурные сапоги, кинулась назад в контору, дабы поведать

всем и в первую очередь мужу о нашем чудесном спасении от смертельной опасности. Так как бежала она подобно обезумевшей, то запертая изнутри дверь кабинета ее задержала ненадолго. Дверь была советской, рассчитанной на честных людей, поэтому удара плеча матери, находящейся в состоянии аффекта, не вынесла.

– Витя??? Витя, что это???

– Валь, я все объясню...

– Что ты объяснишь, козел похотливый???

Так и вскрылось, что Валька-повариха и наш любострастный отец, лысеющий сатир Витя, состояли в греховной любовной связи, и, одурев от вожделения, проводили грязную случку прямо в кабинете. Но гроза тут была уже как-бы совершенно не при чем.

На крик матери из бухгалтерии выскочили люди и застали картину супружеской измены во всей ее неприглядности.

– Убью, шалава! – мать кинулась на соперницу и вцепилась ей в кудрявые рыжие волосы.

– Валя, Валя, оставь ее, – скакал вокруг отец. – Валя, люди смотрят!

– А-а-а-а, спасите! – вопила столовская дива.

Насилу мать оторвали от любовницы неверного мужа. Но волосы поварихе крепко попортить успела.

– Все висья выдеру! – грозилась мать, удерживаемая невольными свидетелями безнравственной сцены, пока повариха, в спешке похватав детали своего туалета, протиски-

валась мимо нее из кабинета. – Я еще до тебя доберусь, шалава!

– Валя, успокойся! Тебе нельзя волноваться! – лебезил отец.

– И до тебя тоже! – гневный перст матери остановился на сморщенном лице отца, и она с достоинством покинула кабинет. – Попомнишь меня блудодей лысый! Отольются еще кошке мышьи слезки!

Мойдодыр – 1993

Что только не сделает женщина, желающая обхитрить мужчину, и мужчина, вознамерившийся ее на этом поймать. Смекалка – всё для русского народа!

Вроде капля иронии и юмора на одной страничке, а на деле – целая каплица!

*Буквально проглотила рассказик. Автору СПАСИБО за очередную порцию позитива. **Nataiy87***

Мать наша, следует заметить, временами не без странностей была. С самого раннего своего детства, помню, испытывала она страшное влечение к лицедейству. Такие зверские рожи корчила, что потом по полночи мой младший брат Пашка от страха спать не мог. Когда мне было пять лет, а Пашке год, и мы жили в Пеклихлебах, мать, переодевшись в деда Мороза, полезла с улицы на балкон нашей квартиры. Случайные прохожие приняли ее за грабителя и вызвали милицию, так что Новый год ей пришлось встретить в отделении.

После того как отцу дали место директора совхоза в деревне Горовка, куда мы переехали, мать развила неопишемую самодеятельность. Наряжала подростка Пашку в кепку с накладными кудрями и собственноручно пошитую ею лоскутную рубашку, и заставляла ходить по дому, изображая клоуна Олега Попова. Мне отводилась роль Емели в лаптях,

онучах, оранжевой рубаше и старых холщовых штанах.

Потом матери надоело с нами возиться. Мелковаты масштабы были для ее натуры, и она стала принимать самое активное участие в работе местного драматургического кружка, ею же и организованного на базе клуба. Однажды зимой ставили «Вечера на хуторе близ Диканьки» по бессмертному произведению великого Гоголя. Мать, играя Солоху, воруящую с неба Месяц и звезды, так вжилась в роль, что выходя из клуба после спектакля, полезла на бетонный фонарный столб и попыталась зацепить в сумку настоящий месяц. Свалилась со столба в смёрзшийся снег и сломала левую ногу. Вот какое глубокое было погружение в роль! Да, та еще актриса была – так долгие годы всех обманывать...

После выздоровления, ранней весной, вернулась в драмкружок. А отец наконец-то начал гонять её за спектакли. За полночь возвращалась с репетиций и не будила этого олуха спящего, поэтому он не знал, во сколько она вернулась домой. Что он удумал? Взял и на засов внутренний, на двери входной, стал навесной замок вешать, а ключ прятал под подушку.

– И не вздумайте ей открыть! – грозил нам. – Не дай Бог!

– А как мы откроем, если ключ у тебя? – недоумевал Пашка, бывший тем еще почемучкой.

– Мало ли... Вы же хитрые. Вон Влад вообще ключи собирает.

– Ничего я никому открывать не собираюсь, – опроверг я

подозрения.

Но так как засов был порядком расшатан, то снаружи посредством какого-либо тонкого предмета, при наличии некоторого терпения, можно было отодвинуть его, невзирая на навешенный замок. А терпения матери было не занимать.

– Кто ее впустил? – распинался на следующий день отец, обнаружив под боком мирно сопящую супругу.

– Я вообще всю ночь спал! – открестился Пашка.

– А я не открывал, – ответил я.

– Вы что, за дурака меня держите? Как она в дом могла попасть?

– Я не знаю, – в один голос ответили мы.

– Может, через кухню залезла? – предположил брат.

– Ты что, совсем того? – отец постучал себя по лысеющей голове. – Как она могла через кухню залезть?

– Не знаю...

– Смотрите мне, кутята, – погрозил кулаком. – Если узнаю, что вы замешаны, то вам не жить!

Сметливый папенька Витя, после нескольких весенних ночей, не принесших результата в поимке блудной супруги-актрисы, стал навешивать в дополнение к замку еще и крышку от кастрюли, продевая ручку крышки³ в петлю засова. Это ограничило свободный ход засова и оградило от попыток вернувшейся матери незаметно проникнуть

³ Крышка на кастрюле была, разумеется, не нынешняя стеклянная с ручкой, а старая эмалированная, с ручкой в форме замкнутой петли.

в дом.

Вернувшись под утро с очередной репетиции, и не сумев отпереть обычным способом дверной засов, она вышла на огород и начала тихо стучать в окно комнаты Пашки, чтобы открыл окно. Но Пашка, будучи пугливым и недоверчивым ребенком, услышав непонятный стук в ночи, подобно мультипликационному поросенку Пятачку, спрятался под кровать. Долго долбила мать в окно любимого сына, пока не поняла, что не откроют. Возможно, тогда она осознала, что напрасно так запугивала ребенка наркоманами, которые украдут его для изготовления из мозга наркотиков.

Естественно, что я слышал стук в окно Пашки. Но, во-первых: в закрытое окно нельзя незаметно увидеть то, что происходит сбоку от окна; во-вторых: поставьте себя на место ребенка, которому перед этим мать колено покалечила за то, что взял мешок с мясом. Вы станете лезть не в свое дело, если стучат не вам в окно?

После она стала стучать в моё окно. Я, будучи не таким пугливым, как Пашка, но при этом с раннего детства бдительным и осторожным, через щель в шторе предварительно убедился в том, кто стоит снаружи и, повозившись с тугими шпингалетами, открыл окно. Мать с облегчением стала залезать в дом, что было не так уж просто проделать, учитывая высоту окна. Но тут, «вдруг, откуда не возьмись», а точнее, «вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой...», выскочил взбешенный лежебока папа Витя, олиго-

френ – стремительный как шпага, разбуженный непонятными стуками в ночи, и вытолкал богемную супругу за окно, разбив при этом в припадке ярости об подоконник бывший у нее с собой магнитофон «Русь-309».

– Убирайся туда, откуда пришла и играй в своих спектаклях, оперетках и пьесах, сколько твоей артистической душе угодно, – сказал отец.

– Дебил, ты же магнитофон разбил! Горе-то какое! Чтоб ты сдох, фанфарон проклятый! – громко взвыла мать по сокрушенному магнитофону, да и сгинула бесследно на неделю невесть куда, громко пригрозив по привычке. – Будете еще мой след искать!

– Не вздумайте ей больше открывать, а то поубиваю! – любящий папенька, изгнавши сельскую инженю, под красочно описанной угрозой жестокого двойного убийства, запретил впредь открывать окна и двери. – Ни под каким видом не открывать! А то убью и ее и того кто откроет ей!

Напуганный ночным триллером слабонервный и болезненный ребенок Пашка вновь забрался под свою кровать. Целые сутки, пролежал под кроватью, трясаясь в страхе, пока я его ни извлек на свет Божий. А потом еще несколько лет зашуганный ребенок пугался ночного шума, оправдывая ласковое прозвище «ошибка аборта», данное заботливым папой.

Деревенский детектив

Пашка в детстве был болезненным и пугливым ребенком. Когда к нам в дом приходил кто-то чужой, то Пашка всегда прятался под стол, стоящий в прихожей, и из-за складок ска-терти зорко наблюдал за пришедшими. Пугливость усилива-ли постоянные угрозы матери, что его украдут наркоманы и будут использовать его мозг для изготовления наркотиков. Откуда ей такая идея в голову пришла я сказать затрудняюсь, так как и сама она была человеком весьма странным. Держа-ла нас в примерной строгости, щедро сдабриваемой телес-ными наказаниями. Потом на смену ей пришла мачеха, и всё стало еще хуже. Но речь пойдет не о сложностях жизни с ма-чехой, а о Пашке.

Однажды бедного ребенка, и ранее не слишком балуемого жизнью, похитили. Да, самым натуральным образом похити-ли. Была у нас в деревне некая Валя Бутуиха, дочка знаме-нитого деда Бутуя и, соответственно, сестра не менее извест-ного персонажа по кличке «Два алеса». Всё из той же пест-рой колоды идейных участников секты «дети Васямали», ку-да ранее входила и наша мать. Не знаю, зачем прямой гене-тической наследнице деда Бутуя понадобился забитый при-дурковатый ребенок, но встретив беспечного Пашку, мечта-

тельно бредущего домой из начальной школы⁴ через конторский сад, с помощью пачки жевательных конфет «Мамба» и различных заманчивых посулов завлекла его к себе домой и заперла там.

– Паша, привет!

– Здравствуйте, тетя Валя.

– Хочешь конфет? Вкусные.

– Мама мне запрещала брать конфеты у незнакомых людей.

– Но мамы-то теперь нет. Да и ты же меня знаешь. Так?

– Так...

– Тогда бери конфету.

– Спасибо.

– Хочешь еще?

– Да.

– Пошли ко мне домой. Там еще много всего вкусного.

– А вы не наркоманка?

– Паша, ну какая я наркоманка? Конечно же, нет! Я маму твою знала...

– Тогда пойдемте.

Может быть, она хотела выкуп потребовать за него, может быть, поступила так в интересах секты, или просто насмотрелась голливудских боевиков, мутный вал которых захлест-

⁴ Первые три класса деревенские дети учились в нашей начальной школе, воспитой мною в повести «Последняя весна детства», а затем начинали ездить в среднюю школу, расположенную в деревне Алешня.

нул тогда страну.

Сама новоявленная деревенская киднепперша Бутуиха, «замуровав» третьекласника Пашку, на школьном автобусе, поехавшем забирать учеников, доехала до деревни Алешня. Оттуда свалила в райцентр на попутной машине. Похищенный Пашка, доев жевательные конфеты, просидел в одиночестве два дня у нее дома, так как мачеха Наташа и любимый папенька Витя, упиваясь алкоголем и грязным сексом, не сразу заметили его отсутствие. Понятно, что при матери, жестко контролирующей наши перемещения, такого бы не случилось.

Только на завтра когда учительница из школы позвонила, то семейство сельских трутней обратило внимание, что ребенок не ночевал дома.

– Здравствуйте, Виктор Владимирович, а что с Пашей, почему он не пришел в школу?

– Как не пришел? – искренне удивился папаша. – А где же он?

– Это я у вас хотела спросить.

– А я что, сторож ему? Носится где-нибудь сломя голову, зикает по яблоням как слонопотам. Наташ, ты младшОго не видела?

– Нет, милАй.

Да, очень заботливые родители, ничего не скажешь.

– Настя, а ты?

– Я что, слежу за этим извращенцем? – вопросом на во-

прос ответила падчерица. – Небось, с Шуриком Моргуnenком голубятся где-нибудь.

– Нет, никто не знает, где он, – отрапортовал в трубку отец. – Кстати, а вы, почему за ребенком не следите?

– Как я могу следить за ним дома? – удивилась учительница. – Я за него только в школе отвечаю.

– Это не факт, что он дома пропал! Это еще надо разобраться!

– Я-то тут при чем? Он в школе не появлялся!

– Ладно, если у нас появятся новые сведения о потерянном вами ребенке, то мы непременно поставим вас в известность. Вы, со своей стороны, тоже не стесняйтесь и сообщайте. А теперь вынужден откланяться – дела государственной важности, – витийствующий демагог положил трубку.

– Наташ, младшОй куда-то пропал.

– Замечательно! Бог наконец-то услышал наши молитвы.

– Наташ, скандал может возникнуть, – вполголоса произнес папаша. – Могут подумать, что это мы его того...

– Чего того?

– Придушили...

– Давай на старшего свалим. Он все равно где-то спотыкается. Обвиним, что он Пашку придушил. Двух дебилов убьем одним выстрелом: младшего похороним, старшего посадим. Сразу от двух свинопасов избавимся.

– Сначала надо бы тело найти. Вдруг он живой?

– Верно, милый, объявляй поиски. Нам, если что, как али-

би будет.

По деревне начались судорожные поиски пропавшего ребенка. Даже возникло подозрение, что не умеющий плавать Пашка⁵ утонул в озере.

– Витя, да утонул он, хватит искать, – заявила добрая мачеха Наташа. – Нечего больше самогон на поиски тратить. Скажи людям, чтобы прекращали.

– Спасибо мужики, но ребенок, скорее всего, утонул. Незачем больше искать. Сам всплывет.

– Ты того, этого, держись, Владимирович, – нестройно посочувствовали отцу мужики. – Ежели что, то только свистни, вмиг подтянемся.

– Понял, идите с богом!

Думаю, такой трагический вариант, влекущий за собой моральное сочувствие окружающих и возможные дивиденды, вполне бы устроил и папеньку Витю и мачеху Наташу.

Масштабные поиски с привлечением лучших сил деревенской общественности под руководством доблестного Вовы Клопика не дали результата. Добровольные спасатели – поисковики впали в уныние, понимая, что обещанной награды в самогонном эквиваленте им не видать.

Похищенный ребенок обнаружился так. У Бутуихи был проигрыватель грампластинок, похожий на такой, как у нас дома при матери. Боязливый Пашка ставил, чтобы не боять-

⁵ Причины, помешавшие ему научиться плавать, изложены в рассказе «Губит людей вода».

ся тишины и одиночества, грампластинку и слушал её максимально громко. Однообразная непрекращающаяся фонограмма, в конце концов, привлекла внимание бдительных жителей соседних домов, и Пашку нашли. Из взломанного дома Бутуихи он прихватил толстую оранжевую книжку про Ходжу Насреддина⁶, полулитровую банку яблочного варенья, полусломанную акустическую гитару и катушку от спиннинга. Станный, конечно, набор, но видимо больше ничего ценного в этом доме не оказалось.

Ничего особо удивительного тут нет, так как когда я позже сбежал из дома и полгода скитался по стране, то, по словам Пашки, мое отсутствие папенька и мачеха заметили месяца через три где-то. Не до нас им было. Думали только как неистово потрахаться и плотно набить ненасытные утробы свои да карманы. Между прочим, когда я еще был совсем маленьким, и жили мы в деревне Пеклихлебы, то когда родители уходили на работу, я, остававшийся с новорожденным Пашкой, чтобы не бояться, тоже включал проигрыватель. Видимо, подсознательное воспоминание об этом способе осталось в памяти Пашки и спасло его в тот экстремальный момент.

Странная похитительница детей Бутуиха объявилась в деревне тогда только к Новому году. Так что мотивы похищения брата остались покрытыми глубокой тайной. Впрочем, никого в деревне не удивило, что в течение недели после об-

⁶ Фотографии этой книги есть на сайте автора в ВК.

наружения Пашки у незадачливой похитительницы сгорел сарай...

Деревенский детектив-2

Кто чем интересуется в детстве. Кто-то на коньках вертится, подвергая опасности естественные полости тела, кто-то машинки клеит, кто-то по мотоциклам сходит с ума, норовя стать на путь профессионального преступника на содержании бюджета, а я в детстве собирал ключи. Не гаечные и не разводные, и даже не скрипичные, а ключи от различных замков. Было это спровоцировано следующим случаем, произошедшим примерно в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Тогда, после попадания в аварию в мае восьмидесяти шестого года, которая закончилась для меня двойным переломом левого бедра, травмой левого колена, порубленным стеклом лицом и сильным сотрясением мозга, я год не ходил⁷.

А в восьмидесяти седьмом мы переезжали в новый дом, построенный в огромном яблонево́м саду специально для нас. Я незадолго до этого начал полноценно ходить, и мы с моим детским другом Андрюхой по кличке Пончик, ныне покойным, помогали взрослым загружать вещи на машину. Пока они уезжали и разгружались на новом месте, мы с Андрюхой шли к стройке нового детского сада. Там стоял деревянный вагончик, служащий временным пристанищем строителям.

⁷ См. рассказ «Странная и непонятная история».

Дело было в выходные, поэтому строители были в городе. Мы, подзуживаемые бесом жадности и корыстолюбия, понемногу ковыряли дверь вагончика с помощью топора и пилы, тайно позаимствованных у отца. Пока длился переезд в новый дом, между делом, вагончик вскрыли. Выломали, как сейчас помню, нижнюю половину двери. Образовавшейся прорехи вполне хватило для того чтобы пролезть. Взяли инструмент, сало и еще что-то из имеющего скарба, за давностью лет уже не помню. Помню только, как бросались друг по другу украденными вареными яйцами.

«Прокололись» на пустяке. Андрей, впервые в жизни совершивший настоящее преступление, от сильного волнения забыл в вагончике берет десантника, подаренный вернувшимся из армии, старшим братом Сергеем. По улике в виде берета нас доблестная милиция и нашла. За это поставили на учет в детскую комнату милиции, что жизнь несколько не омрачило, в отличие от необходимости идти извиняться перед строителями. Вера Андреевна и мать, часто жестоко меня избивавшая, коллегиально решили, что мы с «подельником» Андреем должны пойти и извиниться перед строителями.

– Идите и извиняйтесь перед людьми, дебилы, – заявила мать. – А тебе Владик еще дома будет хороших... Еще и батя добавит!

– А вот это отдадите людям. И просите прощения! – для компенсации содеянного злодеяния нам было выдано сало

и несколько десятков вареных яиц.

Мы пришли к строителям, по пути припрятав часть яиц и сала, и размазывая по несчастным лицам «крокодильи слезы», попросили у «дяденек» прощения за совершенное злодеяние.

– Дяденьки, мы больше не будем, честное слово... Простите нас. Мы не со зла. Бес попутал.

– Да ладно, сами маленькими были, все понимаем. Не плачьте. Прощаем мы вас. Вы только инструменты отдайте. Вам они не нужны, а нам без них никак.

– Инструменты мы бросили где-то в лесу и забыли где. Но мы поищем. Правда, поищем...

Посмотрев в наши честные глаза «дяденьки» были вынуждены нам поверить. Как сказал в полголоса один из них: «Да ну их нах..., а то еще подожгут в следующий раз», и инструмент так и остался нашей добычей.

После этого криминального случая, я понял что от «взлома» надо уходить и стал собирать ключи от замков. Хотя, и гаечными тоже не брезговал. С помощью коллекции ключей мы через несколько лет вскрыли пакгаузы возле конторского сада, и украли много строительных патронов, послуживших полуфабрикатами для создания боезапасов. Тогда полно «самострелов» и «пугачей» различной конструкции было на руках у молодежи. Это вам не китайские петарды! Это игрушки для настоящих мужчин, а не для жень и максимок всяких. Впрочем, это уже совсем другая история.

Клещи для клеща

Однажды мирным позднесоветским летом с моим младшим братом Пашкой случился забавный казус. На его телесную целостность покусился клещ. Слава Богу, что не чесоточный, но всё равно весьма неприятная, хотя внешне и мелкая пакость. Где он подцепил живой пинцет, то никому не ведомо, но операцию по спасению от клещевого энцефалита проводила мать. Я выступал в роли ассистента хирурга.

– Ножницы! Скальпель! Пинцет! Зажим! Спирт! – без устали командовала она, довольная, что можно опять применить искусство врачевания. – Сейчас я мелкую пакость извлеку. Хотя, по уму, надо бы оставить в тебе, чтобы впредь знал, как мать не слушаться!

Сначала намазала зловредное насекомое подсолнечным маслом. Клещ презрительно игнорировал это действие и продолжал индифферентно поглощать Пашку. Покорный судьбе Пашка обильно потел и млел от ужаса. Вместо подсолнечного масла был применен свиной жир. То ли клещ оказался мусульманином, то ли иудеем, но на свиной жир он отреагировал, явив свою «отвратительную рожу» на свет Божий. Тут бы его и хватать, но подозрительная мать решила изучить образчик с помощью лупы, обычно применяемой ею для проверки подлинности денежных купюр.

– Надо посмотреть, что это за нечисть такая, – решила

она. – Может, это квазимоды какие в Пашке завелись или клещ этот чахоточный какой? Владик, подай лупу из моей сумки.

– А где сумка?

– Ты что, совсем debil или придуриваешься? Где же ей быть? В холодильнике, конечно! – мать хранила сумочку в холодильнике, чтобы сберечь кожу. Один из ее многих предрассудков. – Совсем ку-ку, да? Или придуриваешься? Не стой над душой! Отойди пока, свет загораживаешь! Надо будешь – позову.

Пока она, с таким одухотворенным лицом как будто причащалась, занималась визуальным исследованием, подлый клещ, глотнув свежего воздуха, вновь начал, подражая Жаку Иву-Кусто, погружаться в глубины Пашкиного уха. Или просто засмущался от такого пристального внимания?

Бросив лупу и нецензурно кляня всю насекомую породу, взбешенная мать схватилась за пинцет. Понятно, что для дезинфекции, по своей привычке, пинцет она предварительно раскалила на конфорке газовой плиты.

– Что ты стоишь, свесив щупальца? – обратилась ко мне. – Держи ему руки! Вдруг биться начнет? Или ты хочешь, чтобы он мать покалечил? Чего молчишь то? Хочешь, чтобы покалечил меня, да?

– Да ничего я не хочу!

– Тогда держи!

Противостояния с раскаленной сталью клещ вынести

не смог и под пронзительные Пашкины завывания, покинул тело, так и не ставшее его домом. При этом по подлой привычке (ну точно, иудей!), оставил в ухе жертвы свою голову. Для устранения потенциального источника заразы педантичная мать, не обращая внимания на заходящегося в истерике Пашку, вновь накалила пинцет и расковыряла им ухо, освобождая несчастную часть тела сына от останков клеща.

– Ничо, ничо, злее будешь, – приговаривала, по своей доброй врачебной традиции щедро заливая рану крепкой смесью спирта и йода. – Зато будешь знать, как мать не слушаться. Говорила же, что нечего по улице шлаться! Лучше бы дома сидел и горох перебирал. Вот тебя Бог и наказал за непослушание.

Пашка то ли от боли, то ли от ужаса потерял сознание, и на дом, наконец, опустилась благословенная тишина.

– Возьми в мастерской бензин и тряпку, – распорядилась родительница.

– Чтобы порчу по крови не навели? – я был уже научен в таких делах.

– Конечно!

Вечером вернувшийся с работы мудрый отец, узнав о проведенной операции «загорелся» идеей, что Пашке, пока он маленький, для профилактики ангины, необходимо удалить гланды.

– Я, когда был маленький, то всегда слушал отца, – по привычке начал он назидательный рассказ. – А однажды не по-

слушал, и Бог наказал меня гнойной ангиной.

– А Бог тогда разве был? – поинтересовался я. – Учительница в школе говорит, что Бога нет.

– Конечно, был, – уверенно ответил папенька. – Ты не учительницу слушай, а отца! Отец лучше знает.

– Но в твоей книжке тоже написано, что Бога нет!

– В какой книжке?

– «Научная теория коммунизма».

– Шибко умный стал, да? Умнее батьки стал? Смотри, зачитаешься! Был у нас в деревне дурачок один – Аноха. Тоже читал много. Так читал, что зачитался и его увезли в дурку!

– Вить, скажи этому Анохе, чтобы шапку носил! – встряла мать.

– Точно! Ходил он без шапки и читал много, вот и увезли в дурку! – как флюгер отреагировал отец. – И вообще, не перебивай отца, а то тебя тоже Бог накажет. Положили меня в больницу. Удалили гланды, и сказали, что в течение суток нельзя ничего есть. А я, вернувшись в палату, увидел, что соседу передали колбасу. Посмотрел, как он с аппетитом ест, и тоже захотелось мне колбасы. Когда его позвали на процедуры, я взял из тумбочки колбасу и съел. И ничего со мной не случилось. Вот какое здоровье! А все потому, что родителей в детстве читил.

В это легко поверю – жадно поесть похищенные продукты, вопреки врачебным и моральным запретам, было одним из любимейших его занятий, знакомым мне с самого детства.

Потом, по своей привычке, заботливый отец принял в ходе ужина выцыганенный у супруги за Пашкино выздоровление стаканчик спирта.

– Витя, не ставь пустые бутылки на стол!

– А что с ней делать?

– Боком ложи, скрипун старый! Будто не знаешь.

– Да ну тебя с твоими приметами, – огрызнулся отец, но бутылку, тем не менее, положил. – Достала бабушкиными сказками уже!

Обильно отужинав, поддался обычной лени и завалился на моем старом диване смотреть «Поле чудес». Тогда как раз шоу жизнерадостного Л. А. Якубовича только недавно появилось на голубых экранах страны и наряду с «Угадай мелодию» и «Санта-Барбарой» заняло прочное место в подсознании деревенских жителей.

– Леня, давай! Леня, мочи их! Буква «а»! Дебилы! Вращай барабан, овца! В левой шкатулке, дура! – в процессе просмотра отец, громко выкрикивая варианты ответов, забыл о планах везти Пашку в районную больницу, а самому вырезать сыну гланды ему было лень.

Так малолетнему Пашке повезло, и он сохранил гланды в целостности и неприкосновенности. А может, и не только гланды. Если бы отец не поленился везти его в больницу, то заодно мог бы договориться и на вырезание ему аппендикса, так как считал, что аппендикс совершенно человеку не ну-

жен⁸, щеголяя при разговоре об аппендиксе латинским словечком «атавизм». Хорошо хоть, что он не знал, что человек без селезёнки и одной почки может жить, а то позднее, при мачехе, мог бы и изъять у Пашки «селезеночный атавизм» и «лишнюю почку»⁹. Впрочем, в ту пору он еще так не озверел и зачастую демонстрировал все признаки здравого ума и твёрдой памяти.

⁸ Аппендикс – червеобразный отросток слепой кишки – своего рода «хранилище» бактерий, содержащихся в толстом кишечнике. У людей с удаленным аппендиксом, которым не посчастливилось переболеть каким-либо инфекционным заболеванием, на которые так щедра наша насыщенная паразитами жизнь, микрофлора кишечника восстанавливается плохо.

⁹ Как известно, без селезенки и одной почки организм человека способен вполне сносно жить. У профессиональных спортсменов и депутатов Госдумы организмы прекрасно функционируют и без головного мозга.

История О

В детстве нас с Пашкой жестко били всем, что под руку попадется. Мать, например, любила шнуром от кипятильника бить. Однажды, помню, я ее чем-то сильно прогневал. Гналась за мной через весь дом, догнала на крыльце, свалила на бетон, обулась в кирзовые сапоги и примерно с полчаса с наслаждением топтала меня ногами, норовя попасть по нижним рёбрам. А уже позже, за то, что я принес мешок с мясом из машины, не сумев догнать, запустила в меня чугуном. Пробила чашечку коленную на правой ноге.

Потом там жидкость постоянно скапливалась, и пришлось ее откачивать в больнице областной. Объясняла мать свой поступок тем, что думала, что я «надорвался», неся тяжелый мешок со свининой. Такая вот странная была забота о моем здоровье. Хотя скорее ее волновала судьба мяса, а не моя. Пару раз бутылками бросалась. Естественно, что стеклянными. Пластиковых бутылок тогда еще в сельском обиходе не было. Про свеклу и крупный картофель, использовавшиеся в качестве метательных снарядов, и вовсе молчу. Бросалась без счета. Такая вот незамысловатая педагогическая практика.

Но особенно мать любила младшего сына Пашку воспитывать. Однажды, когда он учился в первом классе, у бедного ребенка не получалось на правописании написать бук-

ву «О». Учительница пожаловалась матери и та решила принять меры. Любящая родительница целый вечер его избивала, заставляя эту несчастную букву писать. Долбила то деревянной линейкой, то молотком для отбивания мяса ребенка по рукам. Он еще левшой был, вдобавок ко всему прочему, а она заставляла правой рукой писать. Думала, что ребенок-левша будет дискредитировать ее перед деревенской общественностью. Заботилась, таким образом, о своем реноме.

Весь вечер его вопли и ее угрожающие выкрики и слышались по всему дому.

– Пиши ровно, мерзкий выродок!

– Я стараюсь, – заливаясь слезами, отвечал Пашка.

– Плохо стараешься! У всех дети как дети, а ты дурак дураком. Надо тебя и, правда, в школу для дефективных отдать!

– Мама, не надо! Не отдавай меня в спецшколу!

– Пиши букву «о», баран безрогий! Ровнее пиши! Господи, за что мне такое наказание? Пойдешь в школу дурачков, падла! Это, по-твоему, буква «о»?

– Да.

– Это ежик какой-то, а не «о»! Пока сто букв нормально не напишешь, из-за стола не встанешь! – сама она упала на кровать и заливалась слезами от жалости к сыну. Сын вторил ей.

– Что ты разнюнился как баба? – упруго вскочила с кровати. – Чего сковурился? Ишь ты, грибы он надул, что хоть

на сковородку. Я тебя сейчас выпрямлю! Ровно пиши, падла! Исковеркаю!

– Валь, можно как-нибудь потише? Я из-за вас телевизор не слышу, – вступил лежащий на моем старом диване отец. – Сейчас «Поле чудес» начнется...

– Иди и помоги сына воспитывать, – отозвалась мать. – Никакой пользы от тебя нет.

– Можно подумать, от тебя польза есть.

– Весь в батю ты, дебил, уродился! – донеслось из комнаты. – Такой же пень, как и батя твой. Только он пень, а ты пенек. Пиши ровно! Ровно пиши! Убью!!!

– А-а-а-а!

– Заткнись и пиши! Неужели так трудно ровно написать букву? В спецшколу хочешь, да?

– Нет!!!

– В интернат?

– Нет!!!

– Влад, сделай телевизор погромче, – призвал папаня. Самому было лень с дивана встать. Проще было меня из-за стенки позвать. – Валь, ну можно же как-то потише? Дверь закрой в спальню, в конце концов.

– Достал ты уже, коростовик плешивый! – дверь с громким хлопком закрылась так, что вздрогнул весь дом.

– Сама кекельба рваная! – огрызнулся папаша, но вполголоса.

Букву «О» писать Пашка, безусловно, научился. После

этого и с другими буквами никаких проблем не возникало. Руки, правда, пришлось слегка лечить после экстремальной педагогики. Зато он сразу стал «круглым» отличником. Даже, когда однажды забыл сделать уроки, то проплакал все воскресное утро.

– Если бы все дети так знали, то мне бы было нечего делать, – сказала матери молоденькая учительница Ирина Сергеевна. – Не то, что старший ваш сын.

– Он у нас старательный, – заискивающе улыбнулась мать. – Главное, чтобы в спецшколу ребенка не отправили.

– Что вы, Валентина Егоровна, какая спецшкола, будет учиться с обычными детьми, – успокоила учительница. – Еще и лучше их будет.

Даже когда уже не было матери, и Пашка перевелся из начальной школы Горовки в среднюю школу в Алешне, то и там отличником остался. Одно время там была такая практика: отличникам в конце каждой недели на школьной линейке вручали конверты с некой суммой денег. Так вот он постоянно получал конверты. Правда, рачительная мачеха деньги реквизировала, якобы, для пополнения семейного бюджета. Понятное дело, что средства эти сразу же терялись в туманной дали.

Мочить в сортире

Как-то у нас в деревне случился довольно забавный казус. Так как новый туалет у нас дома рабочими с завода под чутким руководством матери был построен по городскому образцу, со стульчаком и крышкой, за территорией огражденного подворья, за новым сеновалом, то какая-то хитрая сволочь повадилась туда ходить. Я заподозрил неладное, ведя статистику использования страниц книги. В качестве туалетной бумаги мы использовали справочники атеистические и всяческую подобную отцовскую литературу, в том числе, по научному коммунизму. Очень удобно дозировать отрыв, и почитать можно с пользой для детского ума.

И вот стал я замечать, что слишком быстро книжки кончаются. Начал вести статистику и вычислил, что в полнолуние и новолуние бумаги расходуется в среднем на двадцать пять процентов больше.

– Да не сходи ты с ума, старшОй, – махнул рукой отец. – Никто туда не ходит, кроме нас. Вон Пашка и тот боится.

– Ничего я не боюсь! – обиженно отозвался мой младший брат. – Просто это не гигиенично!

– Да точно тебе говорю! Ходит кто-то, – стоял я на своем. – Сам посчитай расход листов и убедишься.

– Это у тебя из-за того, что шапку не носишь, мозги тухнуть начали, – вынесла вердикт мать, – а может, квазимоды

какие в голове завелись, вот и мерещится.

– Какие квазимоды? При чем тут шапка? Вы за туалетом лучше следите.

– И мне кажется, что кто-то туда ходит, – вновь робко подал голос Пашка. – Я поэтому туда и не хожу.

– Ты откуда знаешь, каловичок (так родители его ласково называли)? Ты же с яблонь гадишь.

– Не всегда, – открестился Пашка. – Я по-разному, как получается.

– Я тебе устрою с яблонь, скотина паратифная! Пускай только люди скажут, что опять на яблонях видели! Так вздую, чтобы не позорил семью срулёк мелкий, что мигом забудешь в какой стороне сад растет! – приступила к воспитанию мать. – Совсем уже ошалел от безделья! Всю посадку засрал, подлец!

– Валь, не о том сейчас речь, – вступился папаша. – Вдруг и правда кто-то в наш сортир ходит? Мало ли у меня врагов? Сама понимать должна, как говорится, не маленькая. Тогда и лучше даже, чтобы Пашка ему не попался. И вообще, по мелкому можно и с крыльца ходить.

Взбудораженные моими подозрениями, мы всей семьей начали следить за туалетом – вроде как никто не ходит.

– Вот видишь, ошибся ты, – говорил отец. – Никто туда не ходит, а ты панику поднял.

– Ты страницы считайте, после того как сходите и записывайте. Будем считать, – отвечал я.

Подсчет показал, что действительно страницы исчезают.

– Чудеса в решете, – высказался на это отец. – Может кто-то приписывает?

– Кто?

– Не знаю...

Я установил на двери туалета сигнализацию. Она несколько раз срабатывала, но пока я добегал от дома, то там уже никого не было. Были у меня смутные подозрения на Стасика-Эмиля¹⁰, но так и не подтвердились они. А потом пришел однажды ранним летним вечером, а туалет закрыт изнутри на шпингалет – а вся семья-то дома находится! Подпер я дверь снаружи брусом из сарая, пристроенного к новому сеновалу, и побежал обратно домой:

– Сидит подлюга!

– Индюшка села на гнездо? – не поняла мать. – Где? Ты смотри аккуратнее с нею, они соплями плевать умеют. Вдруг в глаз попадет! Ослепнешь!

– Какая индюшка? Скотина эта в туалете сидит! – закричал я. – Пошлите скорее, пока не сбежал.

– Он уже наверно утек, – лениво отозвался отец, смотревший «Утиные истории». – Чего идти зря? Только комаров кормить.

– Ничего он не утек! Я дверь подпер!

– Это другое дело! – тяжеломерно вскочил с облегченно вздохнувшего дивана отец. – Сейчас я вломлю этой твари!

¹⁰ См. повесть «Эмиль из Лённенберги».

– Витя, только не убивай! – вмешалась мать. – А то посадят!

– Ничего, ничего. Бить буду аккуратно, но сильно, – голосом Папанова отозвался папенька.

«Осадили» мы туалет, подобно Очакову, по всем правилам осадной науки. Я с гвоздодером, брат с игрушечным деревянным пистолетом, отец с ружьем. И стали ждать пока «нечестивец» выйдет.

– Выходи, – грозно ревел отец, потрясая оружием. – Добром выйди, волк плюшевый, а то через дверь пальну! Я Зигзаг Макряк – утка два нуля! Выходи!

– Витя, не так надо, – сказала мать. – Может-то сила нечистая, понимаешь?

– И?

– Проверить надо. Ждите, – мать удалилась.

Вернулась спустя некоторое время с разогретой сковородой и красным кирпичом. Положила кирпич на ступеньку туалетного крылечка, а на него пристроила сковородку. Достала из кармана небольшой холщовый мешочек и высыпала из него что-то на сковороду. Мы с интересом наблюдали за этими манипуляциями.

– Это освященная соль, – просветила нас мать. – Если там все чисто, то соль будет желтоватого цвета, а если там нечистый, то соль будет трещать и станет коричневой или почернеет.

Через некоторое время соль затрещала и стала темнеть.

– Вот, я же предупреждала!

– И что делать? – отец как замороженный следил за солью.

– Сейчас, – мать опрометью кинулась домой.

Вернулась с сумкой и трехлитровой банкой святой воды и начала обрызгивать туалет, обходя его по часовой стрелке и читая молитвы. Потом достала из сумки полотенце и продев в дверную ручку завязала его.

– Это что такое? – поинтересовался отец.

– Полотенце, на котором кулич святили.

Она стала обходить туалет, приседая и вскакивая вверх, выкрикивая:

– Чугу! Чугу! Чугу!

Потом мать окурила туалет можжевельником и ладаном, нарисовала на двери крестик свечой.

– Свечка из церкви на Чистый четверг. Я припасла от нечисти.

– Валь долго еще? – начал терять терпение отец, которому надоело стоять и ждать.

– Не знаю. В таких делах нельзя спешить! Пойду, магнитофон принесу.

– Зачем?

– У меня звонницы на кассете записаны, – она опять ушла домой.

– Давайте ломать! – не выдержал папаша. – А то так до ночи проторчим с этой богадельней. Скоро стемнеет, а я еще не ужинал!

Мы взломали дверь туалета. Внутри никого не было...

– Ничего себе! А где он? – спросил папенька, недоуменно почесывая блестящую лысину стволом ружья. – Куда-то же он делся?

– Дверь сама изнутри закрыться не могла, – подтверждал я его подозрения.

– Нечистое тут дело, – сказала вернувшаяся с магнитофоном и удлинителем мать, которая отличалась повышенным суеверием и верой в различные народные предрассудки. – Поспешили вы дверь ломать! Спугнули нечистого! Теперь освятить туалет надо!

– Да ну, это богохульство какое-то, – усомнился я. – Сроду никто туалетов не освящал.

– Точно. Никаких освящений, – подтвердил пугливый отец. – Валь, если в райкоме узнают, что я туалеты освящаю...

И так несколько раз туалет оказывался закрытым изнутри и пустым, несмотря на защитные ритуалы матери. Пришлось все-таки, используя дружеские связи, призвать на помощь слугу Господа нашего и священника Русской Православной церкви в одном лице – отца Василия дабы «освятить» туалет. Только после этого все странности прекратилось.

Тут надо прояснить, почему пришлось строить у нас новый туалет. Однажды Пашка в старый туалет, который был пристроен за сараем и как бежит в дом с криками ужаса.

– Там, в туалете что-то живое плавает.

– Влад, сходи, проверь, что там такое. Только аккуратнее, вдруг там гремучая змея, – распорядилась мать. – Ты палкой пошевели сначала.

Пошел проверить – смотрю, и правда что-то живое в каловых массах плавает, не пойми что. Пришлось вылавливать – оказывается, утка туда как-то проникла и обессиленная плавала, пытаюсь крякать. Спас невинную душу, правда, вонь от нее еще с неделю стояла жуткая. Да и самому пришлось долго нырять в железную бочку, служащую резервуаром для поливки воды на огороде. Даже пришла мне мысль сделать во дворе летний душ, которую я в течение недели и осуществил.

После этого крайне боязливый и суеверный (весь в мать!) Пашка стал побаиваться туалета и ходил, мучимый фобиями, гадить в лесопосадку, а также в окружающий наш двор фруктовый сад, залезая на яблони. Но после того как напугал за этим неблагоприятным, хотя и вполне естественным, занятием нескольких старушек, неизвестно зачем шастающих по саду, то родителями был поставлен строгий ультиматум ходить в туалет. За выполнением данного указания было поручено следить моей двоюродной сестре Лариске, которая в очередной раз проводила у нас лето.

Вот пошел он однажды в туалет, а она стоит на углу, возле сарая – контролирует: в туалет пойдет или в сад / лесопосадку нырнет украдкой. Вдруг раздаются его истошные крики:

– Спасите! Помогите!

Она думала, что он прикалывается, и стоит, громко смеется. Но так как крики перешли уже в разряд истерических неразборчивых визгов и перемежались надрывным плачем, то она побежала за мной.

– Влад, там с Пашкой что-то случилось!

– Это змея его ужалила! Я же предупреждала вас! – отреагировала мать. – Вечно вы, дикари, мать не слушаете!

Я не стал дослушивать это бред и побежал к туалету. Дверь была заперта изнутри. Я взломал дверь. Она была из оргалита на рамке из брусков – помните такие советские двери? Думал, может, и правда змея его укусила. Оказывается – доска пола в туалете сгнила и провалилась, а он выставил руки враспор в стены кирпичные и висит в воздухе. Ухватил его и вытянул. После этого и пришлось строить новый туалет из бруса над врытыми в землю колодезными бетонными кольцами. Тогда такого добра вокруг полно было.

На время строительства туалета пострадавшему Пашке было разрешено посещать загон для свиней. Тогда как раз пришел к нам с Украины тренд кормить свиней конским навозом. Очень хорошо свиньи с этого БАД-а массу набирают. Да и куриный навоз тоже любят кушать, при случае. Так что продукты жизнедеятельности брата шли на пользу обществу, в целом, и семье, в частности. Жалко, конечно, что не папаша тогда провалился. Но с другой стороны, такое дерьмо в дерьме не утонуло бы. Как вы думаете?

Гуляй-нога

Детство у нас с младшим братом Пашкой было суровое. Воспитывая нас, родители жестко били всем, что под руку попадется. Мать, например, любила шнуром от кипятильника пороть. Однажды я ее чем-то сильно прогневал. Гналась за мной через весь дом, догнала на крыльце, свалила на бетон, не спеша обулась в кирзовые сапоги и примерно с полчаса с наслаждением топтала меня ногами, норовя попасть по нижним рёбрам.

Папенька наш в те годы был весьма хозяйственным и тянул домой что ни попадя. Пока жили в деревне Пеклихлебы, где он работал помощником агронома, то он не только забил весь балкон стекловатой и оранжевым легкокрошащимся утеплителем, но и наворовал из колхозной столовой столько черного перца, что мы потом еще долгие годы перец ели. Когда отца назначили директором свежесозданного совхоза и мы переехали в деревню Горовка, то эта хозяйственность перебралась вместе с ним.

Шли годы, быстро лысеющий папенька по-прежнему тянул все, что плохо лежало. Временами даже умудрялся утянуть то, что лежало хорошо. Однажды он вернулся откуда-то.

– Что вы забились как сурки? Почему батьку не встречаете? – поприветствовал он нас с Пашкой, входя в дом. – Я все-

гда отцу стремился помочь, а вам, дармоеды, лишь бы спрятаться да книжки читать.

– Валь, я там мясо привез. Ты разбери его.

– Влад, шуруй к «летучке» Лобановой и принеси мясо, – продолжал раздавать указания *pater familias*¹¹.

– А где оно там лежит?

– В кузове, в мешке. Даже такой неуч как ты не перепутает. На крыльце его положи, мать разберет.

Я, покорный воле отца, пошел через дорогу. Открыл дверь в КУНГ и нашел лежащий на полу дерюжный мешок. Забросил мешок на плечо и принес домой. Поставил, как было приказано, на крыльцо. Там у нас такая невысокая лавка с отделениями, в которых хранилась старая обувь, натащенная папашей, стояла. На эту лавку и поставил. Мать вышла на крыльцо и стала изучать содержимое мешка, а я пошел разжигать костер, чтобы поставить варить харч нашим свиным.

– Вить, мешок тяжелый! – внезапно завизжала она.

– И что? – лениво поинтересовался жующий за столом в прихожей отец.

– Как что? Целая голова свиная! И окорок!

– Не ори ты, дура. Услышат же!

– Вить, из-за твоей лени Влад надорвался!

– Да что ты голосишь? Ничего он не надорвался.

– Влад, иди сюда, – позвала меня мать.

¹¹ отец семейства (лат.).

– Зачем? – подозревая подвох, поинтересовался я.

– Иди сюда немедленно, урод!

– Да не пойду я!

– Вить, ну ты и хамоидол ленивый! Ребенка искалечил!

– Да заткнись ты уже! Влад, немедленно подойди! – заорал отец.

– Зачем? – я все меньше и меньше хотел подходить к истеричной мамаше и выскочившему на крыльцо отцу. Он вообще не любил, когда его во время сна или еды тревожили...

– Он еще спрашивает! – мать внезапно швырнула в меня чугунок, в который собиралась укладывать мясо. – Еще пререкается, скотина! Хватит грубиянить!

Бросок был для меня полной неожиданностью, и я не сумел на него среагировать. Чугунок как пушечное ядро врезался в правую ногу, ослепительной вспышкой боли сбив меня на землю.

– Хватай его, пока лежит! – теряя сознание от боли, услышал я.

Пришел в себя от бодрящих ударов.

– Я тебя научу, как родителей уважать! – приговаривала мать, хлеща меня кожаным отцовским ремнем. – На всю жизнь запомнишь, как тяжелые мешки носить!

– Дай ему, Валь, как следует! – отец стоял неподалеку с тарелкой жареной картошки в руке. – Совсем от рук отбился, козленок!

Я попытался вскочить и убежать, но упал от боли в колене.

– Что скажешь, как козел? – поинтересовалась мать, прерывая избиение.

– Нога!

– Что нога?

– Нога поломана!

– Валь, ты ребенка покалечила! – проявил заботу папаша. – Ты сущая Горгона!

– Покажи ногу! – потребовала мать, приседая на корточках. – Это из-за твоей все лени, Витя! Если бы ты не был ленивым как мерин и сам принес мешок, то этого бы не произошло!

– Чугунок ты бросила!

– Я переживала, что он надорвался, когда волок такой тяжеленный мешок, – легко нашла оправдание мать. – Это ты во всем виноват! Чурбан бесчувственный! Правильно мать твоя говорила: «Витина лень родилась раньше Вити».

– Маму не трожь! Лучше посмотри, что с ребенком. Свиным уже давно варить пора, а он валяется.

Осмотр выявил опухоль колена и скопление красно-желтой жидкости.

– Вить, у него нога опухла. И как мешок какой-то с жидкостью под коленом болтается.

– Ничего страшного. Походит с костылями, ему не привыкать.

– Какими костылями? Ты же их продал, debil лысый! – вновь начала истерить мать. – И за что мне такое наказание!

Господи!!!

– Да ладно, чего ты ноешь? Возьму у деда, у Чумазова. У него как раз где-то один костыль валяется. Владу на одну ногу и одного костыля хватит.

– Витя, какой же ты бесчувственный!

– Можно подумать, ты чувственная! Да что с тобой разговаривать! Тьфу на тебя, – папаша вернулся в дом и продолжил прерванный ужин.

– Мясо не забудь разобрать, а то пропадет, – донеслось из дома через открытую дверь.

– Да, точно, надо же мясо разобрать, – мать встала с корточек и направилась к крыльцу. – Влад, ты полежи пока. Нога от земли охладится и пройдет. А костер Пашка сегодня потопит.

– Павел, твой брат получил травму. Иди и подбрасывай дрова в костер, а как сварится, позовешь батю снять, – прокричала с веранды.

– Валь, я устал. Сами снимете с Пашкой вдвоем, – нервно отреагировал отец. – И хватит так орать. Вся деревня будет знать, что придурок ногу сломал.

– Вить, ты думаешь, там перелом? – испуганно прижала руки ко рту мать.

– Да мелочи там. Какой перелом? От чугунка что ли? Ушиб коленки, да и все дела. Завтра все пройдет, вот увидишь.

– Надо мазью помазать.

– Точно, как говорится, из мази в князи, – согласился папаша. – Помажь Валь, помажь. Хуже точно не будет.

Нога не прошла. На завтра колено распухло еще сильнее и не давало мне встать на ноги. За неделю опухоль более-менее спала и я начал понемногу ковылять по дому и двору, выполняя возложенные на меня обязанности. Видя, что само собой ничего не проходит любящий папенька через месяц отвез меня в районную больницу.

– Эскулапу скажешь, что ударился коленом об кресло, – наставлял по пути в райцентр. – А то мать из-за тебя, дурака, могут в тюрьму посадить. Понял, шельмец?

– Понял, скажу, что сам ударился.

Врач принял нас по рекомендации матери. Она лично знала всех врачей в районной больнице и многих даже в Клиновске. Он диагностировал пробитую коленную чашечку и выписал направления в областную больницу на откачивание жидкости. В областной больнице именитый хирург, с которым мать имела шапочное знакомство через бабок-знахарок, диагностировал у меня некую «болезнь Осгуд-Шляттера¹²» и, откачав жидкость из, так называемой, «гигромы» пообещал:

– До свадьбы заживет!

Хирург оказался обманщиком. Нога не только не зажила до свадьбы, но и напоминает о себе болью и сейчас. Отец же

¹² Болезнь Осгуда – Шляттера – остеохондропатия бугристости большеберцовой кости.

еще где-то пару лет после этого случая, глядя как я хромаю, ласково называл меня «Гуляй-нога».

«Еще одним прекрасным примером работы авторского желания является рассказ «Гуляй-нога». Коротенькая автобиографическая история из непростого детства автора вряд ли оставит кого-либо равнодушным. Нелепая по своей сути сцена, результатом которой становится перелом ноги, оставляет свой след не только в истории действующего героя, но и самого автора.

Но не примером тяжелого детства интересен рассказ, как раз таки рассказов о «трудном детстве» было написано предостаточно. Примечательным является то, как автор обращается с выбранной темой, а обращается он с ней довольно таки странно.

Первая трудность поджидает нас, когда мы пытаемся уловить интонацию, с которой подается текст. Одобрение, осуждение, веселый тон, которым мы рассказываем байки – путаница начинается с первых строк. Так, описывая ежедневные побои, автор добавляет некоторые детали, на вроде тех, что излюбленным инструментом наказания матери был не ремень или розги, а шнур от кипятильника, или то, что перед тем, как напинать ногами, упомянутая выше мать переобувалась в кирзовые сапоги, видимо, чтобы ногу не повредить. Но основная странность текста совсем в другом.

Странность текста как раз таки в том, что несмотря на то, что в нем предельно все понятно, он остается совершенно бессмысленным, но бессмысленным не в силу того, что лишен смысла, но потому, что этот смысл, который сперва удастся сформировать, при детальном рассмотрении необратимо разрушается рядом деталей, авторских опущений (автор явно что-то не договаривает). Результатом этого становится то, что понять ровным счетом невозможно ничего.

Для сравнения я предлагаю ознакомиться с небольшим рассказом Ф. Кафки «Отъезд». По сути, это мини-рассказ, состоящий из диалога отъезжающего господина и слуги. Рассказ примечателен тем, что, не смотря на поверхностную понятность, при детальном рассмотрении таковым не является. Достигается это, так называемой, психотической речью. Психотическая она не потому, что субъектом речи является психотик, но по причине собственного устройства.

«Гуляй-нога» принадлежит этому же полю. Что на самом деле произошло? Был ли мешок действительно так тяжел, что мальчик надорвался, и, если он не надорвался и справился с работой хорошо, чем вызвано волнение матери? И почему волнение матери, которое в начале исходило из мотива заботы, в конце предстает явным актом насилия, что и приводит к сломанной ноге? Почему Влад отказался пойти к матери и никак не удостоверил то, что с ним все

в порядке, и он никак не пострадал от работы?

Наличие подобных вопросов указывает на то, что мотивы и причины поведения персонажей расщеплены в своей структуре. Там, где автор заявляет, что герои ведут себя «вот-так» по одной причине, в действительности же они ведомы причиной совсем другой. И именно потому, что автор эту другую причину не считает важно указать нам, а это необходимо для понимания текста, ведь что есть понимания, как не

выявления причин, текст и становится психотическим.

Реконструировать события, таким образом, становится невозможно. Рассказ приобретает «инфернальную» интонацию, атмосферу перманентной опасности, непредсказуемой угрозы, для наличия которой вовсе не нужны какие-либо причины.

И здесь рассказ предстает во всем в другом виде. Психотической речью передается та атмосфера непредсказуемого, бессмысленного, а значит и всегда присутствующего, насилия. При этом достигается это не на уровне содержания, где бы нам на 10 листах описывали бы жестокие пытки, унижения и прочие «жестокости», которыми мы сыты еще с первых триш-фильмов, но именно там, где содержание расходится со своим актом. Там, где автор рассказывая историю из детства, как раз таки историю и не рассказывает. Но не рассказывает не тем, что не вводит в текст фабулу, а тем, что лишает героев привычной, человеческой

мотивировкой, не давая никакой другой взамен.»

© Гробарь «Авторское желание и тревога в тексте»

Жареной свинье в зубы не глядят...

В те полузабытые времена, когда таджики и цыгане еще не были дворниками, жил в нашей деревне дед Феогнид Краморев. Вопреки непривычно звучащему для русского уха имени, дед был вовсе не плохой. Ростом под два метра и худой аки жердина осиновая. Еще в финскую, называемую Зимней, войну начинал воевать. Старшим лейтенантом был, политруком. Умнейший был дед, скажу я вам. И в целом не вредный, хотя и хитрый. Научил меня косу точить и отбивать, в круг настраивать и многим полезным вещам.

У нас там липки росли на конце сада и под ними всегда боровики водились. Я в детстве всегда рано вставал, но дед Феогнид вставал даже раньше меня. Встанешь, бывало, полпятого утра, глядь, а он под липки шасть и уже режет боровики. Но не гнать же заслуженного деда? Да к тому же таскающего на поясе острый штык от мосинской трехлинейки с армированным резиновым шлангом от системы гидравлики трактора в роли импровизированных ножен. Еще он немец не очень любил – как встретит пацанят немецких Шеппе и Никелей, так заставлял отжиматься, в зависимости от настроя от двадцати до пятидесяти раз.

Парясь в бане, на животе на полке лежа, он случайно за-

гнал в пролом в лавке свой уд. Да так загнал, что потом пришлось выпиливать его оттуда. А так как на всю деревню лобзик был лишь у меня (я его у учителя труда в карты выиграл), то выпиливать жертву коварной скамьи пришлось мне. Правда, после этого случая все полки в бане он переделал.

Жил Феогнид вдовцом, а в соседнем домике жила сестра его, за давностью лет уже не упомяну имени старушки, тоже овдовевшая. Так они друг за другом приглядывали. Она ему стирала, он ей грибы жарил. А готовил он на керогазе. Теперь мало кто помнит такой агрегат, но в поисковиках можете поискать для понимания картины произошедшего.

Однажды зимой загорелся домик Феогнида от искры керогаза. Мы как раз, с моим детским другом и соучастником большинства шалостей Андрюхой – Пончиком, ныне покойным, находились неподалеку. Смотрим, дым идет из окна. Подошли, стали стучать в дверь ногами. Слышим кашель надсадный, и дед Феогнид открывает. У него лежанка низкая была, поэтому и не задохнулся в дыму. А так он спал, пока мы не разбудили. Выволокли деда, стали пожар тушить – там угол кухни с керогазом горел.

Тут как раз заметившая опасность бабка Феогнидиха (наименование условное, ибо имени как писал, не помню) ведра с водой подавать стала, а я заливал. Андрюха побежал домой – пожарных из райцентра по телефону вызывать. А я вроде все уже залил, смотрю, только струйка дыма сочится из угла. Дай, – думаю, – добыю, что бы уж наверняка.

А тут ведро какое-то под ногами, фанеркой накрытое болтается. Я бух из ведра на дымок. «Контрольный» так сказать... А в ведре-то керосин оказался! Бывает же такое!

Пока приехали пожарные машины, пока заправились по обычаю из деревенского озера – дом деда Феогнида догорал уже. Схватился и домик бабки Феогнидихи.

– Там, в столе, документы! – бабка выбила стекло и полезла в окно с надрывным криком. – Сгорят же!

Насилу с прибежавшим Андрюхой оттащили старушку от окна. А там уже дым густой, не видно ничего.

– Держи меня за ноги и, если что, вытаскивай оттуда, – сказал я Андрюхе и залез в окно.

На стол лег, еле вытащил ящик с документами. Отдал убивающейся Феогнидихе. Пожарные, наконец, прикатили, лениво полили угли, оставшиеся от домиков. Два поросенка еще сгорели в сараюхе при бабкином доме. Бабка нам одного зажарившегося поросенка с Андрюхой отдала. Мы его долго ели. Дымком припахивало, но кому не нравится – пушай турниду лопают, а нам и жареная свинина сгодится.

– Дареной свинине в зубы не глядят, – как в народе говорится.

Бабку через некоторое время после пожара дочка забрала к себе, в Нижний Новгород, а деда Феогнида сын – куда-то в Подмосковье. На этом следы его теряются. Может, и в живых уже нет его ныне. Только лапти, им сделанные, потом несколько лет при мачехе служили мне верой и правдой, на-

поминая о добром и мудром деде.

Дом с привидениями

Когда мы с Пашкой были маленькими, стоял в нашей деревне недостроенный дом с номером 52. Бесхозный дом стоял в запустении, а хозяйственные местные потихоньку начали растаскивать его на стройматериалы, да и от воздействия погоды он стал приходить в негодность. Вообще, я заметил, что даже жилые дома, после того как люди там перестают жить, очень быстро приходят в негодность. То ли микроклимат внутри меняется, то ли и правда душа дома начинает тосковать.

Был у меня тогда друг Орест Пищук. Учился в школе на класс старше меня и тоже любил читать книги и увлекался радиоэлектроникой. На этой почве мы с ним и сошлись. С младшей же его сестрой – Иркой, я учился в одном классе. Они приехали к нам откуда-то с севера и жили в доме, расположенном в начале улицы, возле края нашего обширного фруктового сада. Метров сто пятьдесят – двести было между домами, что для детей вовсе не расстояние. Мы с Орестом протянули самодельный телефон и часто общались в обход деревенской телефонной линии.

Орест встречался со старшей двоюродной сестрой лучшего друга моего брата Пашки Моргуненка – Ленкой¹³. Но ак-

¹³ Родной сестрой непревзойденного малолетнего ворюги Стасика по кличке Эмиль.

тивные малолетние пакостники Пашка и Моргуnenок своими коварными кознями рассорили Ореста и Ленку. После этого гнусного поступка бестактные мелкие надоеды часто доводили кареглазого юношу, бегая вокруг его дома и крича: «Соплежуй! Соплежуй!». Понятное дело, что Оресту было обидно и неприятно. Он даже пару раз крепко драл малолетним негодникам уши, но вернуть рано созревшую девушку Елену это уже не помогло.

А тут как раз, как нарочно, приехала из Клиновска наша двоюродная сестра Лариска. Она была дочкой старшей сестры нашего отца, Нины, с виду доброй, но жадной как черт. Будучи на полгода старше меня, истинное «дитя асфальта», Лариска имела привычку проводить лето у нас в деревне, крутя бурные, но краткосрочные романы с местными «парубками» и ходить дискотеку в клубе. Сушенная выдра, как за глаза называла ее наша мать. Расстроенный разрывом отношений Орест увидел высокую белокурую бестию с наливающейся грудью и влюбился в нее. После, имея на ее счет нескромные планы, начал подкатывать к приглянувшейся Лариске, с предложением встречаться. Лариске стройный и начитанный кареглазый красавец нравился, но по городской кокетливой привычке с ответом не торопилась.

Однажды решили мы с Орестом, который видел в этом шанс привлечь внимание объекта воздыхания, напугать Лариску и Ирку. Заранее предупредили их, что вечером напугаем в том доме, иначе бы с чего им туда идти? Лучше бы

на дискотеку потопали, а так заинтересовались. Сам процесс психологической атаки был доверен за небольшую оплату, выделенную пылающим страстью Орестом, Пашке и его товарищам. Накануне вечером была проведена генеральная репетиция. Моргуненку, одетому в старую выцветшую штормовку, украденную нашим отцом у преподавателя института, где он имел честь обучаться, было поручено, по получении звукового сигнала, выражающегося в моем ударе ногой по валяющейся в кухне железяке, медленно вылезать из отверстия пола в кухне. А Пашка, сын подруги нашей матери Зиночки – Башкиренок и еще кто-то из этой пакостной мелочи, равномерно рассредоточенные под полом дома, громко завывая, должны были послужить саундтреком к сему устрашающему действию.

За час до назначенного срока, в дом привалили мелкие представители обширного семейства таджикского патриарха Кима Абдуллаевича и начали там беситься. Даже начали раскладывать там костер эти дети великой степи. Пришлось изгнать их оттуда пинками, дабы не превратить задуманное действо в фарс и не способствовать возникновению еще одного очага возгорания. И так пожаров полно было в деревне. Они пообещали вернуться с одним из старших сыновей почтенного «саксаула» Кима – Данисляном, который был мастером спорта по дзюдо и любил в свободное от торговли наркотиками время мучить несчастную козу Феньки и ее законного мужа – козла Мальчика. Гордый представи-

тель семейства полорогих не вынес такого позора и удавился на заборе. Осталась несчастная Фенька вдовой парнокопытной. Печальная история, право слово. Данислян, правда, так и не пришел. Видать, предчувствовал, что в ближайшее время диаспоре станет в буквальном смысле слова жарко.

И вот приводим мы жертв в дом. Уже достаточно темно. В доме было два входа. Один со стороны улицы, через который мы вошли, и второй – черный, через кухню. Я, в порядке создания атмосферы саспенса, начинаю рассказывать какую-то страшную историю, благо фактического материала из мрачной жизни нашей местности вполне хватало.

– Дух этого дома, слышишь ли ты меня? – страшным голосом воскликнул я.

Между делом, согласно плану мероприятия, стукнул ногой по железке. Там защитный кожух приводных ремней из тонколистового металла от зерноуборочного комбайна «нива» на полу валялся. В ответ тишина, тревожимая лишь жизнерадостным смехом Ирки и Лариски.

Так как по летнему времени, сберегая лапти, ходил я босиком, а реакции на сигнал не последовало, то был вынужден долбить до тех пор, пока ногу не отбил. Стоят эти две расфуфыренные фифы, ржут как кобылы над нами с Орестом.

– Дух этого дом приди к нам, – безуспешно продолжаю вызывать я.

– Что Данила, не выходит каменный цветок? – ехидно поинтересовалась Лариска. – Никогда вам, деревенским недо-

тепам, нас не напугать!

На словах про «деревенских недотеп» физиономия Ореста вытянулась как у Дон-Кихотовского Россинанта и приняла обиженно-мрачное выражение. Вдруг вижу, что девчонки замолкли, остолбенело уставились мне за спину и их лица начали меняться. Побледнели они так, что даже в темноте сквозь обильную косметику было видно. Потом с визгом развернулись и бросились убегать из дома. Орест, с трудом сдерживая разрывавший его гомерический хохот, кинулся мимо меня через дверь на кухне из дому. Выскочил во двор и там со смехом начал кататься по траве. Тут еще зловещие завывания под полом начались.

В дверном проеме входной двери Ирка и Лариска столкнулись, и, спеша выскочить друг перед другом, прочно застряли. Потом с трудом, как-то на четвереньках, выпали из дома (там крыльца к тому времени уже не было) и в страхе кинулись бежать. Бежали с криками ужаса, постоянно оглядываясь, по дороге мимо нашего дома на другой конец деревни, до самого клуба. В клубе они всем рассказали о происшедшем. Там находилась наша мать, которая услышав эту душераздирающую историю, немедленно побежала к месту события.

– Совсем с ума посходили, падлы безмозглые! – бушевала она, в неуклюжем, но стремительном беге к дому. – Я вам устрою сейчас!

Вслед за ней кинулась толпа подогретых алкоголем празд-

ных зевак, боящихся пропустить редкое зрелище. Мать нашла нас с Орестом в кухне, со смехом вспоминающих подробности. Это разъярило ее необычайно.

– Поубиваю!!! Ехидны, змеи!!! – завопила она, схватив злосчастную железку и завывая как смертельно раненая волчица, принялась гоняться за нами. – Кровопийцы!!! Кровососы!!! Конец вам пришел, горбатые! Убью, чтобы не позорили больше меня перед людьми!

Как на зло, под полом вновь начали выть малолетние раздолбайи, подумавшие, что наступил второй акт розыгрыша.

– Ах вы протухлики! —, мать от завывания рассвирепела еще больше. – Ну, теперь держитесь!

Пару раз под хохот бессердечных зрителей, заполнивших дом, мы с Орестом огребли железкой по спинам, пока не выскочили на улицу.

– Домой можешь не возвращаться, – вслед мне неся крик матери и громкий хохот зевак. – Удавлю вырожденца! Дегенерат!!! Что б ты окошел там за околицей!!! Попадешься – сверну шею как куренку!!!

Под полом заткнулись, сообразив, что наверху происходит что-то не то.

– А ну немедленно вылезайте оттуда! – потребовала мать, подойдя к темному провалу люка. – А то сейчас дом подожгу, если не выйдете! Сгорел сарай – гори и хата!

Из люка испуганно один за другим стала выбираться аудио-массовка.

– Ты где это взял? – схватила она за штормовку Моргу-
ненко, пытающегося проскользнуть мимо. – Украл?

– Мне Влад с Орестом дали!

– А одел зачем?

– Они мне сказали.

– А своих мозгов у тебя нет? А если они тебе скажут с ка-
рьеря прыгнуть, что, прыгнешь?

Моргуnenок скромно потупился, надеясь отмолчаться,
но не на ту напал.

– Будешь знать, как пакостить, капустная душонка! – ма-
маша крепко приложила его тяжелой ладонью по затылку. –
Это тебе надолго запомнится! Батя у тебя сумасшедший и ты
такой же! Бедная мать твоя! Как она с вами извергами живет
только?

Несчастный ребенок с громким ревом кинулся бежать.

– Остальные где? Я же слышала, вас там много. Вылезай-
те, подлецы малолетние! Подожгу дом и сгорите!

Каждый вылезавший получал от матери свою долю руга-
тельств и оплеух. Последним выбрался Пашка, которого она
оглушила ударом этой железки и погнала пинками домой.
Злопамятная Лариска помогала ей в экзекуции. Сама Лари-
ска, сильно обидевшись на невинный розыгрыш, сделавший
ее посмешищем всей деревни, хотела на следующий же день
уехать назад в город, но потом осталась.

Но недели три они с нами не разговаривали. А Ирка
несколько дней после и вовсе заикалась. Так что романти-

ческим планам Ореста насчет Лариски, к счастью для него, не суждено было сбыться. Судя по ее дальнейшей личной жизни, Орест тогда еще легко отделался.

Собачья смерть

Много лет назад жил у нас питбультерьер по кличке Рекс. Привез его из города крестный моего младшего брата Пашки – Леонид Филиппович. Питбультеры тогда были в России немалой редкостью, и папаша с радостью взял его. Даже украл в городе книгу о дрессировке собак. По вечерам, когда приезжали из Добровки желающие половить рыбку, отец брал Рекса на патрулирование озера. Картина была не для слабонервных, скажу я вам. Сначала на огонек костра из темноты выходил страшный черный питбультерьер, а затем с похожей рожей выползал, подобно древнему хтоническому чудовищу – Ящеру, потряхивая объемистым брюхом, полупьяный отец в старой бурке, полковничьей папаше и с ружьем за спиной. Потом бурку сменил покрытый толстым слоем гудрона плащ ОЗК. Как говаривали классики: «Беременные женщины и дети были очень недовольны».

– Вы что творите, питоны траншейные? Рыбки захотелось? А разрешения вы спросили?

– У кого?

– Что значит «у кого»? У меня конечно! Я же озеро сделал! Тут кругом все мое!

– А ты кто?

– Кто я? Я? Я кто? Я вам не какой-то хрен с бугра! Я сам бугор! Директор я местный – Костромин. Слыхали про та-

кого?

– Да, – понуро подтверждали приезжие, – слышали.

– Тогда не буду, как говорится, ходить вокруг да около а сразу возьму козла за рога. Озеро это мое и рыба, которую вы в нем ловите, тоже моя. Понятно?

– Да.

– Значит так, часть пойманной рыбы, надо будет отдать мне.

Посоветовавшись, приезжие были вынуждены принять выдвигаемые им требования. Обычно, радея о пользе общественного озера и своего бездонного частного желудка, самоназначенный озерный куратор Виктор Владимирович изымал электроудочки и сети, при их наличии, а бреднем разрешал ловить только по предварительной договоренности. Ни о каком неводе, забрасываемом в воду озерную, речи даже и не велось.

– И рыбы принести не забудьте, шакалы озерные! Иначе можете больше сюда не соваться – тут и похороню!

– А куда нести?

– Вон дорогу между лесом и садом видите?

– Да.

– Пойдете по ней, справа будет дом, с двумя фонарями. Возле калитки будет стоять таз с водой... Поняли?

– Поняли мы.

– Смотрите, не будет рыбы – можете больше сюда не приезжать.

Рекс был собакой мрачной и временами даже злобной. У него была привычка, при прогулках с кинологом-самоучкой нападать на всех собак, бывших по размеру крупнее его (Рекса, разумеется). Что забавно, собак мельче не трогал принципиально, зато собаколюбивый ирод Виктор Владимирович не упускал случая подло пнуть такую собачонку ногой в брюхо. Рекс же со временем до того дошел, что стал бросаться на лошадей. «Мания грандиоза» в действии. Еще была у него интересная привычка, которую неплохо бы и людям многим перенять. Совершив плановую дефекацию, Рекс ерзал задницей по траве, довершая туалет¹⁴. У меня даже была, одно время, мысль научить его пользоваться для данной гигиенической цели газетами, но не получилось. Опять же, дефицит газет в те годы был немалый. Людям и то еле хватало. Говорят, что по характеру собаки можно судить о характере ее хозяина. Глядя на Рекса можно было в это поверить.

Этот образец безумия человеческого, выразившегося в выведении сей породы, имел прескверную (на наш взгляд) привычку – охотиться на домашнюю птицу. Делал он это до-

¹⁴ Вот какой комментарий был получен мною: «Рассказ отменный. Но таких хозяев я бы лишала права заводить собак. Когда меня спрашивают, как надо содержать собаку, я отвечаю: „У вас дети есть? К собаке надо относиться как к 2-3-летнему ребенку, который может проглотить гвоздь, подавиться костью! Надо вовремя лечить и не травмировать психику, чтобы уродом не вырос“. А если хозяева не знают даже того, что собака, которая трет зад после дефекации, элементарно страдает от глистов (глищение обязательно проводится раз в три месяца) и считают такое поведение забавной привычкой, то лучше им собак не заводить.)»

вольно хитро — высыпал свои харчи из миски, а сам прятался в будке. Когда какая-нибудь из глупых птиц, гонимая алчностью, подходила дабы склевать эти объедки, то он выскакивал из будки и при счастливом (для Рекса) и несчастном (для птицы) исходе душил ее. Потом закапывал в землю и устраивал засаду на следующую глумную птицу. Особенно куры на это «клевали» — значительно проредил он тогда их поголовье. Остановить эту кровавую оргию можно было, лишь вылив на питбультерьера ведро холодной воды. Воду он почему-то недолюбливал, и только она заставляла его разжимать челюсти, сомкнувшиеся на добыче.

Однажды его жертвой стал селезень. Но, не клюнув аки курица на объедки, а будучи вынужден защищать уток от питбультерьер, сорвавшегося с цепи, и принявши, прикрывая их отход, неравный бой. Хотя из клыков и лап и вырвался, благодаря моей помощи (Рекс, подлюга, и меня тогда тяпнул за ногу), но был с напрочь разорванным животом и волочащимися по земле кишками. Душераздирающее зрелище, надо вам сказать, когда птица шествует по залитой кровью земле, наступая на собственные кишки. Положил я его в отдельный хлев, на чистую солому. Даже живот зашивать не стал ему. Думал, что умрет. Но выжил сей гордый селезень, в отличие от утки, которую защищал. Правда, осталась у него привычка чесать клювом живот заросший. После этого начал селезень взлетать на березу и гадить с нее, норовя попасть в беснующегося на цепи Рекса. Точнее, сначала

он взлетал на забор, а с забора на березу.

Так как куры продолжали «клевать» на хитрую тактику Рекса с подманиванием на еду, то пришлось делать вольтер для него и обтягивать весь его ареал сеткой – только это спасло птиц от его назойливого внимания. Когда сделали вольтер, селезень стал не только гадить, но и рьяно «бомбардировать» Рекса с березы различными предметами, которые зажимал в клюве, типа камешков, кусков плоского шифера и бутылочных осколков. К осени Рекс начал чахнуть буквально на глазах. Из будки выходил редко, опасаясь селезня, похудел как скелет, время от времени кашлял кровью и ел крайне мало. Приехавший Леонид Филиппович, видя плачевное состояние питбультерьера, забрал его в город, чтобы показать ветеринарам. В городе Рекс и подох. Оказалось, что в желудке его торчал крючок-тройник с обрывком лески. Как раз незадолго до этого крючок пропал с удочки, которая сушилась во дворе. И леска была на конце словно перетерта чем-то. Получается, селезень отомстил за смерть подруги и нанесенные увечья?

Собачья смерть – 2

Рассказ попал в альманах «Милый друг – 2»

Когда я был молод, почти здоров и относительно красив, то был у нас охотничий кобель по кличке Байкал. Умнейший был пёс – поумнее многих нынешних людей. С самого щенячьего возраста у нас жил и стал едва ли не полноценным членом семьи. Отец, ездя на казенном УАЗ-ике, сажал Байкала на пассажирское сиденье. А для большей комичности ситуации одевал ему одну из своих кепок. В кепках они вообще очень похожи были, отец и Байкал. У обоих одинаково важные рожи с рыжим отливом. Однажды на японской машине с правым рулем приехал Сергей – дядька мачехи. Такие машины тогда были еще невиданными в наших диких местах. Отец, находясь в значительном подпитии, взял машину родственника покататься и, по привычке, посадил Байкала на пассажирское сиденье. А в это время на берегу озера сидели мужики, чинно и степенно выпивали, скудно закусывая. Смотрят, а по плотине едет машина, за рулем которой сидит важный кобель в кепке и презрительно на них смотрит... Двое после этого «чудного мгновенья», выражаясь языком великого русского поэта, пить бросили совершенно. Третий участник озерных посиделок пару месяцев после заикался. Много и отец, и я с Байкалом дней на охоте провели.

Очень толковый был гончак. Однажды зимой нарвался я на кабана матерого. Картечь из одного ствола ушла неудачно, а дробь из другого, попавшая в рыло, кабана только раззадорила. Бросился он на нас с Байкалом, желая предать скорой и мучительной смерти. Насилу, и только благодаря Байкалу, отвлекшему внимание клыкастой машины смерти, вскормленной на желудях и совхозных зерновых, я увернулся. Самоотверженный Байкал оказался менее удачливым. Кабан распластал ему брюхо и задев меня по ноге, ломанулся в засыпанный снегом кустарник.

Снял я варежки, свитер, рубаху и шарф и замотал этим тряпьем кобелю пузо. Бросил рюкзак и патронташ, чтобы не замедляли скорость. Взял только пару пулевых патронов, зарядив ружейные стволы, и нож с патронташа. Перетянул ремнем от патронташа свою поврежденную ногу, дабы прекратить ток крови и довольно бодро поковылял вслед за кабаном. Подранка отпускать никак нельзя было, ибо есть у раненых диких свиней такая дурная привычка – заляжет где-нибудь в зарослях и будет ждать, пока в пределах досягаемости какой-нибудь человек не появится, чтобы кинуться на него. А для непривычного человека, особенно если нападение внезапно, то и домашняя свинья смертельно опасна. Помнится, встречался мне случай, когда пьяный хозяин заснул в свинарнике, а любимая свинья ему лицо обглодала. Да и за порванное брюхо Байкала посчитаться все-таки стоило. Догнал я, несмотря на сильную боль в ноге, и зава-

лил наглуую скотину. По-быстрому вырезал ему яйца, чтобы избавить мясо от вони¹⁵. Закопал оскотенную тушу в снег и бросил сверху пару стрелянных гильз. Отличное средство от крупных и мелких лесных хищников, которых запах стогрешего пороха весьма хорошо отпугивает. Потом пока вернулся назад, пока кобеля донес до нашей деревни на руках, а там километров девять было от места этой кровавой трагедии, то обморозил себе руки.

За тушей поверженного кабана вернулся вместе с соседом Колькой. Еле дотащили на санках вдвоем до деревни. Матерый был веприна. Я долго потом его здоровенный клык на стальной цепочке на шее носил, пока не украли. Байкал, которому я зашил живот, вложив вовнутрь вываливающиеся кишки, тогда выжил, а вот мне врачи чуть кисти не ампутировали. Правда, я послал этих самонадеянных гиппократов и поехал к матери отца – бабушке Дуне в деревню Толма, где два месяца лечился. Она лечила травами, наговорами и прочими народными средствами и руки, вопреки прогнозу официальной медицины, мне спасла. Хотя в сырую и холодную погоду, не смотря на то, что так много лет прошло, они по-прежнему болят.

А выжившего Байкала через два года отравили подло

¹⁵ Так как домашних кабанов всегда «холостят» или «выкладывают» то есть удаляют хирургическим путем им яйца, то их мясо не пахнет. Впрочем, сказать по правде, мы и вырезанные кабаны и бараны яйца, предварительно вымочив в воде, жарили и с аппетитом поедали. Только привередливая мачеха отказывалась их есть. Кричала: «Это вонища!».

и глупо. Тогда какие-то собаки порвали овец, а хозяйка отары со злости и глупости посыпала растерзанные туши ядом. А Байкал как раз три ночи накануне выл, как будто предчувствуя гибель¹⁶, и я, по указанию мачехи, которой надоел шум, отпустил его, ночью, с цепи, побегать. Вот и побегал на свою голову. Пострадал совершенно безвинно, как часто случается – сожрал отравленного овечьего мяса и через трое суток в жутких мучениях околел. Помню, пытался я отпаивать его парным молоком, чтобы нейтрализовать действие яда, желудок ему промывал, кормил собственноручно изготовленным активированным углем, но все оказалось бесполезным. С ведрем он сумел справиться, а с человеческой глупостью и подлостью нет. Впрочем, такое свойственно не только собакам... Сколько лет прошло, а как вспомню так все равно Байкала жалко. А еще жалко детства, которого больше уже не будет.

¹⁶ Согласно народным поверьям: если собака воет, подняв голову вверх, то это к пожару, а если воет, опустив голову вниз, то это к покойнику в доме. Мачеха, узнав эту примету, занервничала и стала смотреть из окна прихожей в бинокль, определяя направление морды воющего Байкала. Ночью она боялась во двор выходить.

Вот такая странная и непонятная история

Когда я был маленьким, со мной произошла довольно странная история, научившая меня не совать нос, куда не следует. Случилось вот что. В конце апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, где-то числа 26-го гуляли мы втроем: я, и мои друзья: Андрей по кличке Пончик и Аркаша¹⁷. Детьми еще совсем тогда были. Несмышлелыши, можно сказать. Впрочем, ныне в России и многие взрослые не многим смысленнее нас в детстве. Андрей мой ровесник, а Аркаша на два года старше нас. Они оба родились в этой деревне, а я приехал из другой, но это несколько не мешало нашей дружбе.

Скучая, мы прошли по дороге, асфальтовой петлей охватывающей фруктовый сад, где стоял наш дом. Дошли до совхозной фермы, за которой тянулся лес.

– Может, в лес сходим? – предложил Аркаша. – Я там еще ни разу не был.

– Да что там может быть интересного? – спросил Андрюха.

– Да что угодно!

– Пойдёмте лучше на карьер! – возразил Пончик.

¹⁷ Тот самый, с которым одеколон и клей пили в этой же компании

– Боитесь? – Аркаша посмотрел снисходительно и добавил: – А чего мы на карьере не видели?

– Кто боится? Мы?

Признаваться в том, что в лес идти боязно, совершенно не хотелось.

– Пошли в твой лес, – сказал я. – Только аккуратно надо, чтобы мать не узнала.

Мать у меня была весьма строгая и если бы узнала о походе в лес, то, как минимум устроила бы мне месяц домашнего ареста. Хотя, если бы узнала про поход на карьер, то влетело бы мне несколько ни меньше.

– Мне тоже попадет, если мать узнает, – Андрюха всегда был солидарен со мной.

– Не бойсь, не узнает! – уверил нас Аркаша. – Главное, чтобы с фермы нас никто не заметил.

– Ну, пошли, – согласился я. Шансов быть замеченными кем-то в лесу было гораздо меньше, чем на карьере.

Мы осторожно прокрались мимо фермы и углубились в лес. По лесу тянулся овраг, разделявший нашу деревню на «старую» и «новую». «Старую» деревню построили еще при Сталине, и она пережила Вторую мировую войну. Новая же, из щитовых домиков, обложенных кирпичом, строилась на наших глазах. Потом она разрослась, обзавелась несколькими длинными улицами. Но это было уже потом. Изначально же получилось две примерно равные части, рассечённые оврагом с протекающим в нем неглубоким ручьем.

Ручей тек из старого пруда, отделенного дамбой от озера, выкопанного дорожными строителями. На противоположном от озера конце ручья, за фермой и находился тот самый лес, куда мы забрались.

В призывно блестящем свежими сочными листочками лесу мы обнаружили сруб, сложенный из потемневших от времени бревен. И что самое интересное, ни окон, ни дверей в срубе не было совершенно. А крыша этой странной хижинки была двускатная, крытая заросшей мхом и лишайником дранкой. Клеть эта видом своим вызывала мысли о весьма почтенном возрасте.

– Прямо избушка на курьих ножках!

– Только вот ножек что-то не видно.

– Пойдем отсюда? – предложил я. – Что тут интересного? Сарай какой-то.

– Сарай так не строят, – авторитетно заявил Аркаша. – Это другое что-то.

– Может, тут мельница была? Или кузня, – предположил Андрюха. – В них окон не делают.

– А двери где? Дверей тоже не делают в кузнях?

– А двери с другой стороны, – не сдавался Андрюха.

Мы обошли непонятную постройку со всех сторон, но никаких дверей не нашли.

– Может, это немцы построили, во время войны? – высказал догадку Аркаша. – Слышали же пословицу: что русскому хорошо, то немцу погибель.

– Не слышали, – признался Андрюха, потупив взор.

– Вот пойдете в школу, там и услышите.

– А что, немцы без дверей живут? – не поверил я. – Немцы, по-твоему, не люди?

– Может и живут. Кто их знает. Ты много немцев видел?

– Я нет.

– И я нет, – пожал плечами Пончик.

– Вот видите, – торжествовал Аркаша. – Немцев не видели, а спорите. Немцы же не такие, как русские.

– Можно подумать, что ты много немцев видел, – обиделся я.

Зазнайство Аркаши, который уже учился в школе, начало меня раздражать.

– Видел! У деда на фотографии, – победно объявил он. – У него несколько фотографий с войны.

Мы с Андрюхой промолчали, не зная, что на это возразить.

– Вот может, фашисты тут во время войны построили амбар или лабаз! Или для пленных партизан карцер – поэтому и без дверей. Надо поискать вокруг. Глядишь, чего и найдется интересного!

Побродили вокруг да около, помочились, по детскому обычаю на угол этой непонятной постройки. Вот тут и случилось что-то странное. После акта мелкого хулиганства, которое в том нежном возрасте актом хулиганства вовсе не являлось, откуда-то из-под крыши дома вылетел сгусток то ли

тумана, то ли дыма. Не могу точно описать, что это было. По плотности похоже на туман, а по форме – на язык дыма или пламени.

И эта непонятная вещь, сохраняя форму вытянутого языка дыма, облетела вокруг постройки и подлетела к вербе. А дальше, просто втянулось в ветку этой вербы. Прямо как шмыгнула в ветку. Трудно подобрать слова, если честно. Как если струйка дыма от горящей веточки идет, расширяясь в стороны – снять на кинолентку и промотать в обратную сторону. Вот тогда будет очень приблизительно похоже на то, что видели мы.

– Что это такое было?

Обалдевшие, мы постояли, глядя на всё это.

– А я откуда знаю?

– Видел, как в ветку втянулось?

– Ага.

– Думаешь, оно в ветке?

– Сейчас посмотрим!

Мы сломали ветку и перочинным ножом Аркаши расщепили ее, пытаясь понять, что это такое было. Ветка как ветка. Ничего сверхординарного.

– Нечистое тут дело, – вслух высказал общее мнение Аркаша.

– Пошли отсюда, – предложил я.

– Да, пора делать ноги, – поддержал меня Андрей, которому то же явно было не по себе.

– С вами каши не сварить! – Аркаша бодрился, делая вид, что ему не страшно, и он уходит лишь потому, что уступает нам. – Всего вы боитесь! Как дети малые!

Не отвечая на обидные реплики, мы ускоренным шагом покинули лес, больше не заботясь о том, увидит нас кто-то или нет. Тем более что, уже начало вечереть, и лес в ранних весенних сумерках казался каким-то неприветливым и даже зловещим. Спешно идя обратной дорогой, мы встретили Бырю, шофера ЗИЛа, жившего неподалеку от этого леса.

– Здорово шпана, чего вы такие заполошные? Курили небось? – он подозрительно посмотрел на нас.

– Здравствуйте. Нет, мы не курим, – мы поспешили обойти его.

Оглянувшись, я увидел, что он как-то слишком пристально смотрит нам вслед.

– Пацаны, что-то он как-то смотрит на нас. Как бы родителям не рассказал, – заволновался я.

– Не обращай внимания, он странный слегка, но безобидный – успокоил меня Аркаша, – живет один, ходит в лес с деревьями разговаривать.

– Понятно, – сказал я, а сам подумал: «Ничего себе – безобидный!»

– Дома не трепитесь, – предупредил Аркаша. – Я у деда про сарай спрошу, он должен знать, что это такое в лесу.

После мне стал сниться непонятный туман. Стоило заснуть, как передо мной вставал странный сарай и лес, посте-

пенно затягивающийся туманом. При этом возникало странное чувство непонятного страха. И так до тех пор, пока не просыпался, задыхаясь застрявшим в горле беззвучным криком.

Аркаша назавтра пришел молчаливый и на эту тему говорить не желал. Лишь через пару дней он скупно рассказал нам, что дед на расспросы его выпорол и запретил приближаться к лесу.

– А мне тот туман снится, – сказал я.

– И мне тоже, – глядя в сторону подтвердил Андрюха.

– Мне тоже снится, – признался Аркаша. – Но лучше никому про это не говорить. Нечистое там что-то, в срубе этом.

Потом и брат стал украдкой жаловаться на непонятные страшные сны.

– А что приснилось-то? – расспрашивал я.

– Не помню. Туман какой-то летает и страшно очень, – жаловался он.

Первого мая наша семья (я, младший брат, мать и отец) поехала в деревню Пеклихлебы. Родители решили там отпраздновать Первомай в компании с сестрой отца – тетей Ниной, ее мужем Василием и дочкой Лариской. Во всей округе они были нашими ближайшими родственниками. К ним на праздники еще бабушка приехала из деревни Толма, и отец очень хотел с ней повидаться. Выехали засветло. Не успели проехать по шоссе двенадцать километров, отделяющих нашу деревню от крупной трассы, как отец встретил

кого-то на поле. Они там отмечали праздник.

Папенька на пару часов к ним присоединился, правда, пить отказался, что совершенно на него не было похоже, но тогда он еще не злоупотреблял алкоголем. Начало уже темнеть, когда мы тронулись в дальнейший путь. Доехали до трассы. Спокойно поехали по ней. Там минут сорок пути. Уже почти подъезжали к Пеклихлебам. Было совсем темно. Я сидел на заднем сидении рядом с младшим братом.

Оглянулся и в свете фар едущей следом машины увидел сгусток тумана, летящий за нами. Минут тридцать эта странная туманная струя тянулась следом.

– Паш, ты что-нибудь видишь сзади машины странного? – решил проверить я себя.

Он, наморщив лоб, пристально всмотрелся в заднее стекло.

– Туман какой-то за нами летит. Мне такой же снился, – испуганно сказал он.

– Не бойся. Мы его уведем от деревни, и он не найдет обратную дорогу! – продолжая следить за странным явлением, обрадовал брата я.

Потом наплывающий со спины свет, удар и темнота. Когда очнулся, то только зеленый огонек на приборной панели светился и очень болел живот.

Грузовик вылетел на встречную полосу, и лоб в лоб столкнулся с нами. Что удивительно, за рулем машины оказался Бяря. Что еще удивительнее, кроме меня в этой аварии ни-

кто не пострадал. У меня же двойной перелом левого бедра, левое колено разбито, и все лицо посечено осколками стекла. Врачи еле спасли левый глаз. Зато отец радовался, что не выпил на поле, а то бы тоже под суд попал. Прямо ликовал весь.

Благо, в Пеклихлебах была больница, куда меня и довезли на какой-то машине, остановленной отцом. Я долго пролежал в этой больнице. Потом меня выписали и еще дома полгода в гипсе лежал. Вся левая нога загипсована, от ступни до таза. После того, как гипс сняли, еще почти год ходить не мог. Постепенно научился с костылями перемещаться. Потом начал ползать и вставать на одном месте, а однажды сумел сделать шаг и с тех пор ходил. Только шрамы на лице остались на всю жизнь, да колено время от времени напоминает о себе болью.

Казалось бы, ничего особо странного. Только на суде Быря вообще не смог объяснить, как и зачем он там оказался. Не помнил совершенно, ни как машину брал, ни зачем туда поехал. А это сорок минут езды от нашей деревни, тем более без путевки и на трассе, где ГАИшники шастают. Говорил на суде, что лег спать дома, а очухался за рулем, и видел только сильный туман, а встречной машины не видел в тумане совсем, хотя ни отец, ни мать тумана никакого не видели. А брата из-за его малолетства и потрясения от аварии про туман никто и не спрашивал.

Учитывая «активное сотрудничество со следствием»

и «раскаяние в содеянном» водителю дали то ли пять, то ли шесть лет. На зоне с ним какой-то несчастный случай произошел, и он не вернулся в деревню. Там и похоронили где-то его, вдали от родных мест.

Через несколько лет мы с Андрюхой и Аркашей, повзрослев и набравшись смелости, опять забрели в тот таинственный лес, но никаких следов сруба там не было, что опять же странно само по себе. Тем более, когда у старожилов стали расспрашивать, то все отнекивались и советовали не касаться этой темы. Не касаться, так не касаться, тем более тем и других тогда хватало. Урок был воспринят мною в полной мере – если просят не лезть не в свое дело, то лезть туда совершенно не стоит.

Еще одна странная история

Очередная непонятная история из детских лет. Тогда я еще совсем маленький, можно сказать, был. Еще при матери дело было. Она была человеком жестким, полным предрассудков.

– Будете мой след искать! – постоянно кричала нам.

Оглядываясь сейчас с высоты прожитых лет назад, можно со всей уверенностью честно заявить, что мать была слегка помешана на мистике. Увидев возле нашей калитки незнакомый след, всегда вбивала в него гвоздь. Со временем об эти гвозди можно было, как о решетку, очищать обувь. Возможно, тут сказывалось влияние отца-лесника, которого односельчане считали колдуном. Во всяком случае, бабушка Дуня и через много лет про это часто вспоминала, что сват у нее был колдуном. Впрочем, с той стороны все родственники были так или иначе с мистикой различной связаны. Например, в тот вечер, когда погибла младшая сестра матери, Лена, мать спала и, проснувшись, увидела ее стоящую рядом с кроватью, залитую кровью. Она на завтра про это видение за ужином всем нам рассказала, и лишь через день стало известно, что тетя Лена погибла. Причем, погибла именно в той одежде, в которой ее мать описала накануне. Но тут можно вспомнить, между прочим, что и к мачехе в ночь своей смерти ее московская сестра Светка приходила, а о смер-

ти лишь через два дня ее стало нам известно. Следовательно, подобные случаи характерны и для прочих людей.

Да и сама бабушка Дуня была травницей знатной и лечила людей «заговаривая». Когда в детстве меня укусила в ногу гадюка, подло таившаяся в сене, бабушка Дуня у нас в Горовке гостила. Пошептала, напоила меня молоком, и уложила спать. Через двое суток я проснулся, как ни в чем не бывало – никаких последствий. Или тот случай вспомнить, когда мне хотели обмороженные на охоте кисти рук врачи ампутировать, а бабушка Дуня за два месяца их спасла.

Бабушка Дуня позже рассказывала другую странную и непонятную историю. Когда еще не лысый Витя, мало того, что еще не бывший моим родителем, но даже в проекте меня не задумывал, поехал согласно старому русскому обычаю со свадебным кортежем выкупать невесту, которой было суждено стать моей матерью, в старом родительском доме была подготовлена для новобрачных горница. И младшая сестра жениха, Рая, безмерно обуреваемая любопытством, проникла в убранную горницу, чтобы посмотреть что там и как. И обнаружила на постели, застеленной для новобрачных, черную челюсть какого-то зверя.

Испугавшись, она обратила на это внимание кого-то из взрослых. Бабушка Дуня и младший брат жениха Леник, внимательно осмотрев странную находку, не сумели установить видовую принадлежность данного зверя. А ведь Леник был знатным охотником в ту пору, знаменитым своими охот-

ничьими подвигами на всю округу. Коллегиально, от греха подальше, решили они подвергнуть страшную находку очистительному пламени и бросили в печь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.